

Казачество: мифы, споры и историогра- фический фронт

История казачества — это не только сабли и степь. Это ещё и битва за истину, которая длилась веками. Кто мы? Народ? Сословие? Воинская демократия? Ответы искали летописцы, эмигранты, советские историки и современные исследователи.

В центре внимания — эволюция взглядов на казачество:

- Первые упоминания в русских летописях XV века.
- Формирование историографической традиции, включая «самостийную» казачью школу.
- Эмигрантская историография XX века, сохранившая дух казачества вдали от Родины.

Исследование раскрывает не только исторические факты, но и философские вопросы: как случайное влияет на ход истории, как соотносятся общее и уникальное. Авторы утверждают: бытие единичного — основа случайного, а значит, казачество как феномен занимает особое место в картине мира.

Особая ценность работы — анализ правовых основ возрождения казачества: от первых законов до современного статуса в России. Рассмотрены этапы становления правового положения казаков, их роль в развитии гражданского общества и перспективы движения сегодня. Это не просто исторический обзор, а целостная картина пути казачества — от истоков до XXI века.

История казачества — это не просто череда дат. Это путь людей, которые жили на границе миров: между степью и государством, свободой и службой. Авторы исследования собрали колоссальный массив источников — научные труды, мемуары, художественные произведения, правовые акты, архивные документы — чтобы показать,

как менялось понимание казачества от первых упоминаний до конца XX века.

От летописей к фронтам империи

Первые упоминания о казаках встречаются в русских летописях XV века. Тогда это были вольные люди, уходившие «за пороги», в степь, чтобы жить по своим законам. Со временем казачество стало частью великого колонизационного движения на Восток: осваивало Сибирь, Дальний Восток, строило форпосты на границе империи.

Особую ценность представляют архивные документы Казенного приказа (1613–1624), которые авторы ввели в научный оборот. Эти регесты — словно голоса из прошлого: имена атаманов, пожалования за службу, первые упоминания донских, яицких и волжских казаков. Они раскрывают раннюю историю казачества, его роль в освоении новых земель и формировании сибирского казачества.

Историографические мифы и споры

Кто такие казаки? Потомки скифов, сарматов или «передовой отряд русского народа»? Этот вопрос веками будоражил умы. В статье показано, как рождались мифы, как первые непрофессиональные историки из казачьей среды собирали предания, превращая их в историографические парадигмы. Авторы анализируют научные концепции, проверяя их на прочность источниковой базы.

Эмиграция: хранители памяти

Гражданская война расколола казачью элиту. Те, кто выжил, ушли в изгнание. В эмиграции казачья мысль достигла зрелости. Здесь оформились идеологические лагеря:

- Консерваторы («единонеделимцы») — мечтали о восстановлении империи, видели казаков частью великого русского народа, но с сохранением традиционных привилегий.
- Автономисты — сторонники федеративной республики с казачьими областями как квазигосударственными образованиями.
- Самостийники — радикалы, требовавшие полной

независимости казачьих земель, сближаясь с украинскими националистами.

Эти споры были не отвлечённой теорией. Они определяли судьбы людей, формировали казачью идентичность. Эмигрантская историография вобрала в себя наследие дореволюционной науки, испытала влияние Запада и стала фундаментом для возрождения казачества в постсоветской России, когда рухнула монолитная истматовская школа.

Голос казачьей интеллигенции

На фоне мифов и идеологических крайностей звучали голоса тех, кто стремился к научной истине. Е.А. Букановский писал:

«Казачество — самобытный продукт русского народа и русской жизни».

И.Н. Ефремов напоминал:

«Донские казаки были передовым отрядом русского народа».

Эти слова — попытка вернуть казачеству историческую правду. Но большинство казаков жило уже совсем с другими, мифическими представлениями о своей родословной.

Казачество: традиции, споры и социальный уклад

Современное казачество нередко становится объектом критики со стороны тех, кто видит в нём утрату духовных ориентиров. Кубанский писатель П. И. Ткаченко возмущён:

«Нежелание всерьёз заниматься культурой, то есть духом человеческим, со стороны лидеров казачьего движения и в казачьих обществах принимает какой-то даже вызывающий характер. И естественно, что при таком положении сознание и душу, которые мы обязаны оберегать как зеницу ока, занимают другие силы — от откровенно лукавых до маргинальных».

Не менее резко высказывается донской казак Сергей Антонов. Он объясняет популярность «самостийной» идеологии невежеством и гордыней тех, кто «принял ложно понятую сословную спесь за национальное чувство». Антонов бичует «антинаучную бредятину», почерпнутую из псевдонсторических книжонок, и высмеивает тех, кто превращает цитату из романа Шолохова в лозунг:

«Казаки от казаков ведутся».

По его словам, эти люди остаются на уровне сельской церков-

но-приходской школы, не зная родословной дальше прадеда.

Иногда невежество принимает курьёзные формы. В 2013 году казаки хутора Мещерский Рязанской области решили поставить памятник хану Батыю, считая его «первым казачьим воином — Батькой», «защитником Руси» и «знаковой фигурой, незаслуженно очернённой историками».

Социальная организация казачества

Вольные казаки рассматривали свои сообщества как братства — «товарищества», основанные на строгих правилах. Военной и политической формой объединения было «войско». Уже в начале XVII века московские документы фиксируют его существование, отражая возросшую силу казачества.

Высшую власть осуществлял круг — собрание полноправных казаков «всей реки». Женщины и неполноправные жители голоса не имели. Решения принимались «криком», по мнению большинства. Круг ведал дележом добычи, судопроизводством, решал вопросы войны и мира, санкционировал строительство городков. Исполнительная власть принадлежала атаману, избираемому на год, но часто переизбиравшемуся.

Голландский офицер Людвиг Фабрициус описывал круг так:

«Казаки становятся в круг, посреди — головное знамя. Атаман сообщает замысел старшим, те — рядовым. Если предложение по душе, все кричат: „Любо, любо!“».

На время похода избирался походный атаман с неограниченной властью. «Войско» делилось на станицы — отряды примерно по 100 человек, а те — на «десятки». Вторыми по значимости были есаулы. В городках действовали свои круги и атаманы. Нарушение решений каралось изгнанием или казнью.

Внутренние отношения и дисциплина

Главную роль играли «старые казаки» — старожилы, из которых выбирали атаманов. У атаманов могли быть личные дружины, а у казаков — «чурь» (ученики), выполнявшие обязанности оруженосцев и прислуги. Иногда их забирали насильно, что породило мнение о «патриархальном рабстве», хотя отношения скорее напоминали ар-

хаичное разделение по возрасту и опыту.

Казачья жизнь строилась на коллективизме: совместная охота, рыболовство, «односумье», «складничество», взаимопомощь. Но имущественная дифференциация была значительной: атаманы и есаулы получали большие доли добычи, старожилы были зажиточнее.

Многообразие населения казачьих земель

Помимо полноправных казаков и «чур», на «войсковой» территории жили торговцы, ремесленники, гулящие люди, священники. На Дону встречались ясыря и ясырки, а особую группу составляли «донские татары» — ногайцы, укrywшиеся от ора и жившие компактно при казачьих городках, сохраняя язык и веру.

Служилое казачество

Отдельная тема — «городовое» казачество XVI–XVII веков, служилые люди «по прибору», наряду со стрельцами и пушкарями. В Сибири они составляли основу гарнизонов. После упразднения стрельцов в 1701 году термин «казаки» стал применяться ко многим воинским чинам.

Сибирское казачество: истоки и слово «казак»

В середине XIX века историк и путешественник П. И. Небольсин заметил любопытную тенденцию:

«Под словом „казаки“ без различия отделов русского войска в Сибири стали называть всех тех, кто обязан был с оружием в руках защищать и охранять пределы империи».

Но это явление началось гораздо раньше. Уже в отряде Ерофея Хабарова, действовавшем на Амуре в XVII веке, все называли себя «казаками», хотя среди них были и промысловики, и гулящие люди, и служилые разных чинов. Постепенно слово «казак» стало ассоциироваться с героикой и свободой, а зваться казаком — престижнее, чем служилым другого чина. Даже былинные киевские богатыри в народных песнях превратились в «казаков».

Формирование сибирского казачества

На рубеже XVI–XVII веков сибирское казачество оформилось как

социальный институт. Его ядро составляли служилые люди, переведённые за Урал «по государеву указу», в том числе ссыльные, а также набранные на месте из «гулящих людей».

Особое место занимали уцелевшие соратники Ермака. После гибели атамана они вернулись «на Русь», но вскоре вновь оказались в Сибири — уже в составе царской рати. Вместе с другими служилыми они ставили первые крепости — Тюмень, Тобольск, Томск — и участвовали в боях с ханом Кучумом. Их авторитет был столь велик, что упоминание о службе с ермаковыми казаками считалось почётным даже в челобитных на имя царя. В 1621 году архиепископ Киририан распорядился поминать Ермака и его сподвижников на богослужениях — знак особого уважения.

В Сибири встречались представители всех казачьих областей: донцы, яицкие, терцы. В документах упоминаются атаманы Темир-Иванов и его казаки «терские», «вольские», «донские». Были и запорожцы, которых называли «черкасами» или «литвинами». Многие попадали в Сибирь как пленники после войн с Польшей и Смуты, а затем становились ценными бойцами на восточной окраине. Среди них были шляхтичи, наёмники, «немцы», а также новокрещёные представители коренных народов.

Основную массу составляли выходцы с Русского Севера и Среднего Поволжья. Перевод на службу за Урал часто был ссылкой «за вины», иногда «вместо смертной казни». Но правительство использовало и добровольную колонизацию: из северных городов формировали отряды для службы в Сибири. Эти переселенцы становились основой казачества, пока не подрастали дети служилых, заполняя «убылые места».

К концу XVII века военная организация казачества тесно переплелась с административным делением Сибири. Управление осуществляли воеводы, а главным центром оставался Тобольск. В 1637 году появился Сибирский приказ, просуществовавший до XVIII века.

Этимология слова «казак»

Слово «казак» — загадка, породившая множество версий. Большинство исследователей связывает его с тюркскими языками, где «казак» означает «свободного, независимого чело-

века, искателя приключений». В словаре Фасмера указано: «*Казак* — заимствовано из тур., крым.-тат., казах., кирг., тат., чагат. *казак*».

В. Даль определял казака как «войскового обывателя, посёлённого воина, обязанного служить на своих конях». Ожегов — как «члена военно-земледельческой общины».

Есть и поэтические версии. А. А. Исакова связывает слово с образом дикого белого гуся — символа свободы и выносливости. «Казак, как гусь, чувствует себя уверенно и на суше, и на воде», — пишет она. Эта метафора отражает суть казачества: независимость, способность выжить в суровых условиях, волю к свободе.

Другие исследователи видят корни в словах, означающих «конь», «всадник», «удалец», «мятежник». Но все сходятся в одном: в основе казачества лежит свободолюбие и стремление к независимости.

Происхождение казачества: гипотезы и споры

Вопрос о происхождении казаков остаётся одним из самых дискуссионных в историографии. Сегодня выделяют две основные трактовки:

- Автохтонная гипотеза — казачество возникло на основе местного населения, сочетая славянско-русское и тюркское начала.
- Миграционно-колониционная теория — казаки происходят от беглецов из Русского и Польско-Литовского государств, уходивших от феодальной кабалы на южные окраины.

Автохтонная версия и бродники

Сторонники автохтонной гипотезы, среди которых В. Н. Татищев и А. И. Ригельман, связывали истоки казачества с Тмутараканским княжеством X–XII веков. По их мнению, пёстрый состав населения Тамани и Приазовья — русские, косоги, кавказские племена — создал базу для формирования казачества.

Одним из направлений этой гипотезы стала бродническая теория. Н. М. Карамзин видел в бродниках — русских выходцах на Дону — прототип казаков. П. В. Голубовский отождествил их с домонголь-

ским славяноязычным населением степей. А. Н. Гумилёв и В. В. Мавродин дополняли картину, размещая бродников среди половцев. Эта версия привлекательна, но доказательства её косвенные, опирающиеся на поздние источники.

Миграционно-колонизационная теория

Эта концепция утверждает: казаки — потомки свободолюбивых беглецов, которые уходили на порубежье, растекались по рекам — Днепру, Дону, Волге, Тереку, Кубани, а затем по сибирским водным магистралям. Здесь они образовывали вольные общины, а позже — казачьи войска. Эту теорию развивали С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, Д. И. Иловайский.

В советское время она стала доминирующей, хотя предпринимались попытки синтеза обеих версий. А. Н. Гумилёв, например, связывал корни казаков с православными хазарами через бродников.

Факторы формирования казачества

Истоки казачества сложны. У его начала стояли: группы местного населения Северного Причерноморья и Приазовья; кочевые пришельцы; беглецы из Московской и Литовской Руси; политика государства, использовавшего казаков для освоения окраин.

Прозрачные границы, веротерпимость и замкнутость общин способствовали формированию новой общности. Начало зарождения казачества относят к XIII–XIV векам, но вплоть до XV века речь идёт скорее о «предказачестве».

Мифы и крайние версии

Некоторые исследователи искали корни казачества в глубокой древности. А. И. Попов говорил о происхождении казаков от амазонок. Е. П. Савельев утверждал, что казаки ходили на защиту Трои и основали Рим. Эти гипотезы скорее отражают романтическое восприятие, чем научную реальность.

Этническая сложность

Анализ языковых, антропологических и культурных признаков показывает: казаки не происходят из одного «древнего и могучего»

корня. Их этногенез — результат смешения, ассимиляции и многовековой преемственности.

География казачества — нижнее и среднее течение Днепра, Дона, Терека, Волги, Урала. Эти земли никогда не были пустыми: беглецы приходили туда, где уже жили другие народы.

Казачество и право: от привилегий к ликвидации

История казачества — это не только военные подвиги и культурные традиции, но и сложная эволюция правового статуса. Сегодня перед исследователями стоит целый ряд актуальных задач: восполнить хронологические пробелы, привлекая новые источники; уточнить методологию изучения казачества; определить его реальную роль в государственном строительстве, учитывая противоречие между охранительными и сепаратистскими тенденциями.

Авторы работы анализируют концептуальные основы возникновения казачества, его место в системе российской государственности с XVI века до наших дней, а также историографию и источниковедческую базу проблемы.

Казачество в советской историографии

Советская наука рассматривала казачество прежде всего как социально-классовую группу — «привилегированных крестьян». На этой основе большевики выстроили политику «расказачивания», проводившуюся в годы Гражданской войны с неумолимой жестокостью.

Теоретическое обоснование этой политики дал Ленин в аграрной программе социал-демократии. В ходе войны взгляды большевиков на казачество менялись: Троцкий и Сталин спорили о методах, позиция Ленина эволюционировала. Но общий вектор оставался прежним — ликвидация казачества как сословия.

В двадцатые годы политика расказачивания сменилась попытками возрождения казачьей культуры, но историографические оценки оставались неизменными вплоть до перестройки. Лишь закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (1991 г.) признал казачество жертвой государственной политики террора и насилия.

Расказачивание: трагическая страница

Вопрос о том, что означало расказачивание, остаётся спорным. Одни видят в нём геноцид этноса, другие — ликвидацию сословной ограниченности в рамках модернизации.

Объективные факторы, подталкивавшие государство к этому шагу, были реальны:

- Утрата пограничной функции. К концу XIX века казачьи войска оказались во внутренних районах страны. Соседи-кочевники стали подданными империи, а охрана новых рубежей требовала регулярных частей.
- Технический прогресс. Пулемёты и артиллерия снижали эффективность конной кавалерии. Русско-японская война показала ограниченную роль казачьих частей.
- Рост стоимости службы. Если в середине XIX века экипировка казака стоила 70–100 рублей, то к 1912 году — до 300 рублей. Государство вынуждено было субсидировать казаков, что разрушало принцип «службы за счёт собственного хозяйства».
- Земельный вопрос. Демографический рост привёл к сокращению казачьих паёв: на Дону — до 16,5 десятин, на Кубани — до 12,5. Малоземелье подрывало экономическую основу казачества.

Власть постепенно разрушала сословные границы: закон 1868 года разрешил переселение «иногородних» в казачьи области, а Положение 1883 года — выход из войска при отказе от земельного пая.

Социальный кризис

К началу XX века казачьи хозяйства проигрывали экономическое соревнование крестьянским. Доходы едва покрывали расходы на службу. «Голос казачества» в 1911 году писал о разорении семей, отправлявших на службу двух-трёх сыновей.

Казачество накануне революции: между долгом и свободой

Тяжесть повинностей, возложенных на казачество, становилась всё более ощутимой. Служба на собственные средства, ограничение свободы передвижения, сословные рамки — всё это вызывало недо-

вольство в казачьей среде.

Радикальная часть войсковой интеллигенции предлагала решительные меры: упразднить казачье сословие, предоставить казакам гражданские права наравне с остальным населением — свободу выбора рода деятельности, места жительства, службы. Эти идеи озвучил депутат Государственной Думы от Оренбургского войска Т. И. Седельников. Но его предложение не нашло поддержки ни в правительстве, ни среди большинства казаков.

Несмотря на очевидный анахронизм войсковой системы, основанной на сословном делении, правящий режим упорно сохранял старые порядки. Более того, в 1913 году было издано распоряжение, которое ещё больше сузило возможности выхода из казачьего сословия по сравнению с законами конца XIX века.

Причина была проста: казачество оставалось надёжной военной силой. Но теперь его ценили не столько за способность защищать границы, сколько за готовность подавлять революционные выступления внутри страны. Опыт 1905–1907 годов показал ненадёжность регулярной армии, склонной к бунтам. Лёгкая казачья кавалерия, напротив, отличалась дисциплиной, маневренностью и управляемостью. Эти качества делали её идеальным инструментом для полицейской службы — охраны порядка и борьбы с мятежами.

Исход казачества: изгнание и надежда

Гул пароходных сирен над Крымом осенью 1920 года стал для казачества приговором. Это был не просто бегство — это был исход, разрыв с родной землёй, с курганами предков, с тихими станицами, где ещё вчера звенели сабли на свадьбах. На палубах, среди солдатских ранцев и офицерских шинелей, стояли молодые казаки — без жен, без детей, с глазами, полными тревоги. Они уходили в неизвестность, унося с собой только память о степи и надежду на возвращение.

Константинополь встретил их лагерями, голодом и эпидемиями. Галлиполи, Лемнос, Чатаджа — эти названия стали символами страдания и ожидания. Союзники, ещё вчера обещавшие помощь, теперь равнодушно отворачивались: мир устал от войны, а белая армия превратилась в тень самой себя.

йны против СССР.

2. Белые патриоты России — те, кто, несмотря на изгнание, хранил любовь к Родине. Антон Деникин призывал эмигрантов поддержать Россию в её борьбе против нацизма. Многие стали участниками движения Сопротивления, сражались в рядах армий союзников.

3. Репатрианты — эмигранты, попавшие под влияние советской пропаганды и вернувшиеся по амнистии. Некоторые сотрудничали с советской разведкой, помогая создать агентурную сеть в Европе.

4. Ассимилированные — те, кто устал от борьбы и растворился в чужой среде, отказавшись от национальной культуры.

Вторая мировая война стала рубежом: она расколола эмиграцию, уничтожила культурные центры. Париж, некогда «интеллектуальная столица» русского зарубежья, погрузился в тьму оккупации. После войны русские эмигранты первой волны оказались рассеяны по всему миру — от США и Канады до Австралии и Африки. Следы этого «рассеяния» можно найти на всех континентах.

Казачья диаспора развивалась в общем русле русской эмиграции, но шла своим путём. Главная особенность — упорное стремление сохранить казачью традицию. Даже в тяжёлых условиях эмиграции казаки создавали православные храмы, русские школы, музеи боевой славы, где хранили знамена и реликвии. Они жили по законам и обычаям родной земли, сохраняли полувоенную организацию и дисциплину.

С. С. Ишполитов писал: *«Казачьи группы, переселившиеся во Францию, часто создавали поселения — казачьи станицы, где вели изолированную жизнь по традициям и законам, укоренившимся ещё на родине. Станицы сохраняли формальное подчинение войсковым атаманам, испрашивая утверждения всех важных решений».*

Эти поселения строили церкви, открывали школы, создавали культурную среду, почти не подверженную влиянию извне. Даже на заводах во Франции казачьи группы, сохранившие дисциплину и единоначалие, пользовались спросом на рынке труда — они конкурировали с французами благодаря сплочённости и организован-

ности.

На этой волне возникли казачьи эмигрантские организации. Уже в январе 1921 года был образован «Союз юго-восточного казачества», куда вошли атаманы Дона, Кубани и Терека. Позже появился Казачий Союз — одна из первых и наиболее представительных организаций, объединившая казаков всех двенадцати войск Российской империи.

В августе 1924 года в Париже прошёл съезд казачьих организаций. Программа Союза включала девять принципов:

1. Казачьи края — неразрывная часть России.
2. Обеспечение дальнейшего существования казачества.
3. Восстановление старых границ казачьих войск.
4. Широкое самоуправление казачьих краёв.
5. Неприкосновенность казачьих земель и угодий.
6. Форма правления — та, которую установит народ.
7. Народоуправство как основа управления.
8. Закрепление земли за земледельцами.
9. Подъём хозяйства на началах частной собственности.

Казачий Союз был не только политической, но и социальной организацией. Он помогал казакам найти работу, устраивал детей в школы, организовывал медицинскую помощь, пересылал деньги в СССР, создавал «Похоронную кассу» для тех, кто умирал вдали от родины.

Союз объединял десятки организаций во Франции, Болгарии, Югославии, а также поддерживал связи с дальневосточной эмиграцией в Харбине.

Казачья диаспора: размах, организация и культурная миссия

После исхода из России казачья эмиграция разрослась по всему миру, сохраняя удивительную способность к самоорганизации. Казачий Союз, созданный в Париже, стал центром этой жизни, объединяя казаков всех двенадцати войск Российской империи.

География и масштаб

К середине 1920-х годов Союз включал 68 организаций в восьми

странах, и этот список постоянно расширялся.

- Чехословакия — 6 организаций: Моравско-Островская, Меджилаборская, Железнодорожная, Тонвальдская, группа Кузнецова, Пражская.
- Румыния — 4 организации: Журжевская, Окникская, Галацкая, Бойковская.
- Польша — 2 организации: Станица Калединская и «Группа земледельцев».
- Германия — «Майнцская группа».
- Венгрия — «Венгерская казачья станица».

Позже к Союзу присоединились казаки в Китае, образовав «Восточный Казачий Союз» в Харбине и «Казачий Союз» в Шанхае. Во Франции появились новые группы — от Жуанвиля до Гранвиля, в Болгарии — Родопская группа, Чернышевский и Бузулукский хутора, в Югославии — Чуприйская станица и хутор Дебелячский.

Эта сеть была живым организмом: одни организации исчезали или переезжали, другие возникали. Казачий Союз стал социальным и культурным центром, объединяющим умеренные силы — белых патриотов, едино-неделимцев, автономистов, но рядом с ними действовали и самостийники, мечтавшие о независимой «Казакши».

Идеология и печать

Националисты создали свой орган — журнал «Казакшия», издававшийся в Братиславе, затем в Софии, Праге, а после войны — в Мюнхене под названием «Казакшия-Cossackia-Kosakenland». Он позиционировался как «журнал казачьей национально-освободительной мысли». Его лозунг звучал как манифест:

«Наличие собственного независимого печатного органа — первый признак пробудившегося самосознания народа».

Рядом с ним выходили газета «Единство и Независимость» и калмыцкий журнал «Ковыльные волны», провозглашавший идею казачьей государственности с калмыками как автономной частью.

Культура и традиции на чужбине

Казаки не только писали статьи — они жили традицией. В 1925 году Париж и стадион Буффало увидели джигитовку: стремительные

скачки, трюки, звон сабель. Эти представления имели оглушительный успех, а мода на высокие лакированные сапожки, «привитая казаками», захватила Англию!

Казачьи гастроли проходили по Европе, затем отправились в США, где стали каскадёрами в Голливуде, снимались в вестернах, играли индейцев, ставили конные трюки. Их искусство джигитовки стало мировым брендом. Хоры и ансамбли — Донской Гундоровский, Кубанские — покоряли королевские дворцы Англии и сцены Америки. Казачьи песни и пляски превратились в «визитную карточку» русской культуры.

Другие казаки искали счастья в Латинской Америке: в Аргентине, Бразилии, Парагвае они пытались создавать станицы, вести хозяйство, как в родных степях. Журналы Казачьего Союза публиковали подробные инструкции: как купить землю во Франции, как арендовать ферму, как переслать деньги в СССР, как выписать семью. В Парагвае планировалась колония на 500 семей, с расчётом расходов до фунта стерлингов!

Культурная миссия

Казачий Союз заботился не только о хлебе насущном, но и о духовной пище. Он создавал библиотеки и архивы, рассылал книги по истории казачества, организовывал передвижные библиотеки в железнодорожных контейнерах. В Париже действовала читальня, где можно было читать русские газеты и даже советскую прессу.

Эта работа была не просто культурной — она была борьбой за память, за сохранение казачьего мира в изгнании.

Казачья эмиграция: просвещение и культурная миссия

Казачьи организации в эмиграции понимали: сохранить казачество — значит не только поддерживать традиции, но и дать людям знания, которые помогут выжить на чужбине. Они заботились о просвещении рядовых казаков всеми доступными способами — от распространения литературы до организации системного обучения.

Учёба как путь к выживанию

В журнале «Казачий Союз» звучал призыв:

«Вынужденное пребывание наше за границей надо использовать. Время это нужно провести с наибольшей пользой для себя и для Родины; всем, кому можно, необходимо изучить ремесло, приобрести практические знания, которые пригодятся и на чужбине, и на родном краю».

На родине главным помощником казака был конь. Но в Европе и Америке казаки столкнулись с индустриализацией, с миром машин и заводов. Чтобы не остаться на обочине жизни, они осваивали новые профессии. Особенно востребованными стали навыки управления автомобилем и трактором.

Курсы для казаков открывались повсюду:

- Автомобильно-тракторные курсы Донского правительства в Софии.
- Тракторные курсы в Ямболе.
- Курсы Терского правительства в Софии.
- Кубанские курсы в Белграде.
- Автомобильные курсы в Загребе.

Через эти курсы прошли сотни казаков, превращая вчерашних всадников в механиков и шофёров.

Ремёсла и гуманитарное образование

Помимо техники, развивались традиционные промыслы: сапожное, скорняжное, седельное дело, рукоделие для женщин. Донское правительство организовало сапожные и столярные курсы, курсы кройки и шитья. Учреждались сотни стипендий для казачьих детей в русских гимназиях, на коммерческих и электротехнических курсах.

Казачий Союз помогал поступать в Русский Народный Университет в Париже, а также на бесплатные заочные курсы Американского Христианского Союза. Программы обучения включали:

- иностранные языки (английский, французский, немецкий);
- слесарное и токарное дело;
- электротехнику, автомеханику, машиностроение;
- теплотехнику, гидравлику, аэродинамику;
- архитектуру, строительство, пути сообщения;
- коммерцию, агрономию, куроводство, пчеловодство;
- религиозно-философское и общее образование.

Казачья студенческая жизнь

В эмиграции действовали студенческие организации, объединявшие казаков, получавших образование в разных странах. Они поддерживали связь с войсковыми объединениями, помогали молодежи сохранять культуру и историю.

Примеры:

- «Парижская Студенческая казачья Станица».
- «Белградская Общеказачья Студенческая Станица».
- «Общеказачий Студенческий хутор» в Загребе.
- «Брненский хутор» в Чехословакии.
- «Студенческий хутор» в Софии (57 человек).

В Париже издавался студенческий журнал «Станица», сначала двуязычный, затем французский. Его предуведомление звучало как клятва:

«Мы приветствуем наших Войсковых Атаманов — живые символы единства казачества. Мы готовы поддерживать их и освещать жизнь казаков-учащихся за рубежом».

Донской атаман Богаевский ответил:

«Приветствую “Станицу” и желаю успеха. Пусть она будет выразителем братства и взаимной поддержки!»

Журнал публиковал статьи по истории казачества, обзоры русских школ во Франции, советы по выбору учебных заведений. Автор П. Никаноров подробно описал русские ВУЗы:

- Русский высший технический институт.
- Русский коммерческий институт.
- Франко-Русский институт.
- Богословский институт.
- Консерватории имени Рахманинова.
- Историко-филологический факультет Сорбонны.

Он предупреждал: *«Не доверяйте газетной рекламе! Заочные школы без аккредитации — пустая трата времени».*

Культурная миссия

Главным информационным органом Казачьего Союза был журнал «Вестник Казачьего Союза», позже переименованный в «Родимый Край». Его эпиграф звучал как гимн тоске по родине:

*«Кресты родных могил, дым кизичный над левадой, белые курени в зелёной
раме верб... Тебя люблю, Родимый Край!»*

Журнал публиковал источники по истории казачества, предлагал книги: «Донская Летопись», «Россия и Дон», «Казачи в Чаталдже и на Лемносе». Он был не просто изданием — он был мостом памяти, соединявшим казаков с их прошлым.

Казачья периодика: голос изгнания и борьба за память

Межвоенная казачья периодика была явлением уникальным — сродни будущему советскому самиздату. Это были не просто журналы и газеты, а нерв казачьей эмиграции, её культурный и интеллектуальный центр. На страницах этих изданий кипела жизнь: научная, литературная, политическая. Здесь казаки спорили, писали стихи, публиковали исследования, обсуждали судьбу Родины.

Многие издания выходили кустарным способом: без выходных данных, на правах рукописи, отпечатанные на пишущей машинке, вложенные в цветную обложку. Тиражи — мизерные, но влияние — огромное. Один журнал проходил через десятки рук, устраивались публичные чтения, лекции. Газеты рассылали по почте в казачьи библиотеки, где их читала целая станица. Это была борьба за культуру, за память, за самобытность.

Париж: центр казачьей печати

Уральский казак Е. Д. Коновалов издавал иллюстрированный журнал «Россия», посвящённый казачеству. № 7 за 1930 год был целиком посвящён Кубани:

- Полковник Ф. Елисеев — «Кубанское казачье Войско».
- В. Науменко — «Отрывок из воспоминаний».
- А. Богаевский — «Кубанцы».
- П. Краснов — «Кубанцы в Великой войне».
- Очерки «Кунаки», «Пластуны», «Атака на батарею».
- «Трагедия Кубанского Войска».

Иллюстрации — портреты атаманов, сцены из жизни казаков на родине и в эмиграции. Кубанская станица в Париже выпускала журнал «Кубанская старина и современность», а «Общество ревнителей

Кубани» — «Кубанское Казачество».

Кроме того, выходили: «Вольное Казачество», «Родимый Край», «Казачье дело», «Казачий Голос», «Дневник казака», журнал «Казак» — вестник Донского атамана и Союза комбатантов, а также «Вестник Казачьего Союза».

Прага и «самостийная» печать

В Чехословакии работало издательство «Литературная Казачья Семья». Здесь выходили журналы: «Казачий Путь», «Путь Казачества», «Тихий Дон», «Казачий сполох», «Казачество», а также влиятельная «Казакия».

Особое место занимал журнал «Вольное Казачество: Вільне Козацтво», издававшийся с 1927 года в Праге, затем в Париже. Он имел сеть представителей по всему миру — от Брно и Белграда до Харбина и Кливленда. Это было самое распространённое самостийное издание, открыто пропагандировавшее лозунг: *«Наш девиз — Казачья воля. Казакия — наша цель»*.

Журнал публиковал исторические очерки, историографические статьи, материалы о казачьей культуре. Постепенно он перешёл на «казакийские» позиции, вступив в открытую полемику с Казачьим Союзом.

Голодомор: крик из изгнания

В 1933 году «Вольное Казачество» одним из первых опубликовало статью о голоде на Украине и в казачьих землях — «S.O.S.». Это был крик боли: *«Оккупационная власть красной Москвы убивает Казачество голодом. Народ, который никогда не знал голода, умирает от голода, сознательно организованного красными оккупантами»*.

Журнал призывал к акции протеста, к голодовке солидарности, к сбору средств для голодающих. В письме казака С. Турчанинова звучали слова: *«Общим фронтом сожнём русских палачей! Общеголодный призыв о помощи к народам всего мира!»*

Эти публикации стали основой историографической модели «Голодомора» в казачьей и украинской эмиграции.

Культура и литература

На страницах казачьей периодики появлялись отрывки из романа «Тихий Дон» Шолохова. Даже самые непримиримые антикоммунисты признавали гениальность этого произведения. Журналы публиковали стихи, рассказы, исторические исследования, библиографические обзоры.

Это была не просто печать — это была жизнь казачьей эмиграции, её голос, её память.

«Почтовый ящик»: казачий чат до интернета

Особая рубрика журнала «Вольное Казачество» — «Почтовый ящик» — поражает современного читателя. Это был казачий «чат» в доинтернетную эпоху: короткие сообщения, инициалами вместо имён — словно сегодняшние «ники».

Пример из номера от 25 сентября 1930 года:

*«Бельгия. — П. Б. — Просьбу исполня-
ем. Привет. Франция. — П. Ш. — Спасибо. Привет.
Канада. — Е. Б. — Все получено. Привет.
Бразилия. — В. К. — Листа В. одержали. Дуже дякуємо за інформації. Зафаз
ведемо колонізаційну акцію в Півн. Америці...»*

Эти строки — живое свидетельство того, как казаки поддерживали связь между континентами. Возможно, это были и конспиративные сигналы, и просто обмен новостями. Сегодня мы бы поставили смайлик — тогда писали «Привет».

Журналы как центры жизни

В Белграде выходил информационный журнал «Кавказский казак», объединявший «Вольную Кубань» и «Герского казака на чужбине». Здесь публиковались официальные документы, отчёты, письма, новости из родных краёв. Заголовки говорят сами за себя:

- «Сплошная коллективизация на Сев. Кавказе».
- «Массовые аресты в станицах».
- «Поход против религии в Сов. России».
- «Новая станица в Суботице».

Это была хроника трагедии и надежды одновременно.

Культура как спасение

Чтобы заглушить тоску по родным степям, казаки создавали календари, карты, альбомы, выпускали открытки с видами казачьих земель. Кубанская канцелярия рекламировала «Кубанский календарь»: *«Это не обычный календарь. Это Войсковая Памятка и Справочник для каждого Кубанца о славном былом и грустном настоящем».*

Выпускались сборники песен: *«Казачья песня — душа казака. В ней радости побед и горечь поражений, жизнь от колыбели до могилы».* Сборники продавались, чтобы собрать средства на строительство Казачьего Дома в Белграде.

Призыв к молодёжи: сохранить быт и историю

В 1926 году Казачий Союз обратился к молодым литераторам: *«Мы верим, что страдания казачества завершатся временем, когда оно вернётся к корню своего существования — к казачьему быту. Ни платформы, ни программы не укрепят казачества; одно в нём неизменно — чувство семейной обособленности на основах родного быта».*

Журнал «Вольное Казачество» писал: *«Никогда поиски своей истории не возбуждали такого внимания, как теперь. Казак вопрошает своё прошедшее, которое намекает о его будущем».*

Историческая работа в изгнании

Казаки собирали архивы, создавали музеи, издавали научные журналы. Публиковали документы, которых не было у советских историков: материалы казачьих республик, архивы белого движения, полковые документы Императорской армии. В «Вестнике Казачьего Союза» печатались постановления Первого Донского Круга 1917 года, мемуары, письма, этнографические заметки.

Это была не просто журналистика — это была миссия: сохранить казачий мир для будущих поколений.

Казачья историография в изгнании и трагедия Второй мировой

Казачьи исследователи в эмиграции понимали: без доступа к российским архивам, их единственный путь — европейские библиотеки

и фонды. Они ставили задачу восполнить пробелы в ранней истории казачества. В журнале «Казачий голос» И. Ф. Быкадоров публикует обращение «Донская старина», призывая к поиску источников. В том же номере статья А. И. Бояринова «Кондратий Булавин и “Булавинщина”» ломает старые стереотипы: Булавин, Пугачёв — не «воры», а лидеры народно-освободительных движений. Этот взгляд, родившийся в эмиграции, позже станет нормой и в советской историографии.

Крупные работы казаков-эмигрантов

Межвоенный период дал целую плеяду трудов:

- «Русская Вандея» генерал-майора Голубинцева — начата в Софии (1925), завершена в Филадельфии (1958), издана в Мюнхене.
- Генерал И. Г. Акулинин — «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками» (Шанхай, 1937).
- Л. Масынов — «Гибель Уральского казачьего войска», с авторскими рисунками и портретами.
- Е. Тихоцкий — брошюра об атаке австро-венгерской конницы в 1914 году.

Эти книги — смесь мемуаров и историографии. Их авторы — штабные офицеры, полевые командиры, свидетели событий. Они фиксировали факты, спасали память, писали на основе личных архивов и воспоминаний. Да, они допускали ошибки, не владели методологией, но их значение как источников по истории Гражданской войны бесспорно.

Вторая мировая: раскол и трагедия

Приход нацистов к власти расколол казачью эмиграцию. Ещё вчера единая, она разлетелась на осколки:

- Коллаборационисты — пошли за Красновым и Шкуро, под гитлеровскими знаменами.
- Патриоты — остались верны идее России, многие вступили в движение Сопротивления.
- Антифашисты — ненавидели большевизм, но презирали нацизм.

- Эмигранты новой волны — уехали в Америку, спасаясь от катастрофы.

Кто-то погиб в концлагерях. Кто-то был выдан СССР и умер в ГУЛАГе. Париж, некогда культурная столица казачьей эмиграции, погрузился в тьму оккупации. Жизнь казаков на территории «нового порядка» оказалась под контролем нацистов.

Нацистская пропаганда и «готская теория»

С началом войны против СССР Гитлер увидел в казаках инструмент. Краснов сформулировал «готскую теорию» — миф об арийском происхождении казачества от древних готв Причерноморья. Эта идея, лишённая научной основы, стала пропагандистским оружием: противопоставить казаков русским, разжечь национальную рознь.

В 1943 году, когда надежды на блицкриг рухнули, нацисты публикуют «Обращение Германского правительства к казакам»: *«Казачьи войска никогда не признавали власти большевиков... Мы гарантируем вам самобытность, земли, права предков...»* Но это были пустые обещания — попытка удержать казачьи части в строю.

В «Казачьем календаре на 1944 год» рядом с церковными датами — тексты присяги казаков вермахта, гимны, статьи «Возрождение казачества», «Немецкие казаки», «Заветы Атамана Платова». Литературная часть — Гоголь, Крюков, пословицы, песни. По форме — привычная казачья культура, по сути — оболочка для нацистской пропаганды.

Фронтовая пресса и карательные операции

Журнал «На Казачьем Посту» (1943–1945) — типичный фронтовой орган. Приказы, репортажи, пропаганда. В № 36 от 15 октября 1944 года — фоторепортаж о «подвигах» казачьего полка при подавлении Варшавского восстания. Немцы использовали казаков для карательных акций, а пропаганда убеждала: *«Вы вписываете страницы славы в историю казачества».*

Выходили газета «Казачья лава», нацистский «Казачий вестник» в Праге (1941–1945), открывавший номера приветствиями Гитлеру.

Последний выпуск уверял: *«Мы можем и должны победить большевизм!»* — когда поражение было очевидно.

Трагический финал

Казак понимал: их используют как пушечное мясо, как разменную монету. Но выхода не было — союз с чертом против большевистского дьявола, к которому призывал Краснов, тянул их на дно. После войны многие оказались в Лиенце, в лагерях, а затем — в советских тюрьмах.

История Краснова, Доманова, фон Паннвица — это не подвиг, а трагедия выбора, обманутых надежд и сломанных судеб.

Послевоенная казачья диаспора: холодная война, культурная миссия и историографический подвиг

Окончание Второй мировой войны не принесло казакам долгожданного мира. Сразу началась холодная война, и она внесла новый раскол в казачью эмиграцию. Многие оказались в зоне советской оккупации или были выданы союзниками СССР. Восточноевропейские центры казачьей жизни исчезли. Наступила эпоха рассеяния — диаспора раскинулась по всему миру: от Франции и Германии до США, Канады, Латинской Америки.

Но даже в этих условиях казаки цеплялись за свою идентичность, за память о родных степях. Главная задача — сохранить культуру и воспитать новое поколение, выросшее вдали от России, в чужой языковой и культурной среде.

Антикоммунизм и идеологические сдвиги

В логике холодной войны казачья пресса вынуждена была следовать глобальному конфликту. На Западе востребован воинствующий антикоммунизм и национализм. В США появляются издания:

- «Сполох» — еженедельный бюллетень Всеказачьего Антикоммунистического Зарубежного Объединения (Мюнхен, 1948).
- «Антикоммунист» — ежедневный бюллетень того же пресс-бюро.

Американское руководство поддерживало националистические

круги казачества. Символом этой политики стал федеральный акт Public Law 86–90 — «Закон о порабощённых нациях», подписанный Эйзенхауэром 17 июля 1959 года. В списке «порабощённых» значилась и Казакия. Закон трактовал казаков как нацию, лишённую государственности, «порабощённую русским коммунизмом». Этот акт до сих пор формально действует, ежегодно в США проводится «Неделя порабощённых наций».

Смещение центра эмиграции

В годы холодной войны главный центр казачьей жизни переместился в США. Здесь выходили:

- «Казачья Жизнь» — литературно-политический журнал (Казачье-Американский Народный Союз).
- «Донской Атаманский Вестник».
- «Кубанский исторический и литературный сборник».

Во Франции продолжали выходить «Родимый Край», «Казачье Единство», газета «Казак». В Германии — журнал «Казакия».

Политика постепенно отходила на второй план. Главная миссия прессы — сохранить историко-культурное наследие, укрепить связь между казаками, рассеянными по миру.

Возрождение Казачьего Союза

28 декабря 1947 года в Париже состоялось собрание, возобновившее деятельность Казачьего Союза. В первом выпуске обновлённого «Вестника» звучали слова: *«Казaku важно знать и чувствовать, что он не одинок. Тяжело самое одиночество. Если казак ещё не растворился в чужой среде, он тянется к другому казaku. Оформление этой душевной тяги — вот сущность Казачьего Союза».*

Программа Союза стала простой: объединение всех казаков ради сохранения культуры и истории. Мечты о возвращении на Родину исчезли — СССР казался вечным. Теперь цель — выжить как культурная общность.

Историографический подвиг: «Казачий словарь»

Кульминацией послевоенной казачьей историографии стало создание энциклопедического словаря — «Казачий словарь Губарева»

Скрылова». Это был труд всей диаспоры: материалы собирали «всем миром», деньги жертвовали простые казаки, артисты, инженеры.

Редакция писала: *«Энциклопедия даёт сведения по истории и этнографии, биографии лучших казаков, диалектные формы речи. Это предмет национальной гордости и вдохновения».*

Словарь вышел в США в трёх томах: 1966 — Кливленд, 1968 и 1970 — Сан-Анжелмо, Калифорния.

В предисловии к третьему тому А. И. Скрылов писал: *«Мы не праздны в мире жили! Задача была сложная, но воодушевляла идея служения Родному Казачьему народу. Всем, кто помог, поклон до сырой земли!»*

Эти слова — квинтэссенция казачьего духа в изгнании: гордость, упорство, вера в своё предназначение.

«Казачий словарь» стал манифестом самостийной историографии. Его идея — показать казачество как самостоятельный исторический феномен, обосновать его национальную идентичность. Даже сегодня этот труд остаётся символом культурной стойкости казачьей диаспоры.

Гордеев и историографический прорыв казачьей эмиграции

Наиболее масштабным трудом казачьей историографии в эмиграции стала фундаментальная четырёхтомная «История казаков» Андрея Андреевича Гордеева, опубликованная в Париже в 1968 году. Это не просто книга — это попытка создать целостную картину казачьей истории в контексте русской истории, показать её особенность, самобытность, долгий путь от вольных степных общин до интеграции в состав Российской империи.

Идейная позиция автора

Гордеев — белый офицер, монархист, патриот России, но при этом сторонник казачьего автономизма. Он не мыслит будущего казачества вне России, но подчёркивает его уникальность. В этом — его отличие от крайних «казакийских» теорий и близость к традиции белой эмиграции.

Истоки казачества Гордеев видит в эпохе Золотой Орды. Он отвергает «арийские» и западные версии происхождения, включая нацистскую «готскую теорию». По его мнению, этническую осно-

ву составили бродники — славянское население Дона, к которому в годы ордынского ига влились массы русской молодёжи, угнанной монголами как «дань кровью». К ним добавились татарские части, что объясняет тюркский элемент в культуре казачества.

Эти вспомогательные войска служили Орде: охраняли границы, формировали лёгкую кавалерию, обслуживали ямскую почтовую систему. Из этого специфического слоя ордынской жизни, по Гордееву, выросли донское, терское, яицкое казачества. Лишь позже к ним присоединились беглые крестьяне.

Самобытность и дипломатический статус

Гордеев подчёркивает: казачьи войска долго сохраняли независимость. Все сношения с ними велись через Посольский приказ, что он трактует как дипломатическое признание их суверенитета Московской. В этом — его симпатия к казачьей вольнице.

При этом Гордеев избегает крайностей казачийства. Он строит повествование на фоне общероссийской истории, что делает его труд понятным и близким всем казакам — от патриотов до автономистов. Именно этот объективизм обеспечил книге популярность и актуальность даже в современной России.

Ограничения и заслуги

Работая в эмиграции, Гордеев страдал от нехватки архивов. Он не был профессиональным историком, окончил Виленское военное училище, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Но его опыт, контакты с белыми офицерами, доступ к эмигрантским источникам позволили создать труд, который стал первым системным казачьим взглядом на собственную историю.

Судьба автора и значение труда

Долгое время биография Гордеева оставалась загадкой. Лишь недавно выяснилось: он умер в 1977 году в Нанте, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Работал шофёром, писал статьи, сотрудничал с казачьими журналами. Его «История казаков» — итог жизни, посвящённой служению памяти казачества.

В статье Н. М. Мельникова к 50-летию диаспоры приводятся впе-

чатляющие цифры: за полвека эмиграция дала более 200 книг по истории, 100 книг беллетристики, 170 газет и журналов. Это — масштаб культурного подвига.

Историографический контекст

Вопрос происхождения казачества остаётся ключевым. Гордеев предложил свою схему, но дискуссия продолжается. Документы XVI–XVII веков фиксируют казаков «вольных» и «служилых», ватаги перемещались между Доном, Волгой, Яиком, Тереком. Лишь к XVII веку складываются устойчивые центры — Дон, Яик, Терек, Днепр. Из этих «войск» выросло историческое ядро казачества.

Гордеев дал этому процессу казачью интерпретацию, вписав её в русскую историю. Его труд — не просто книга, а манифест историографической зрелости казачьей эмиграции.

Казачество: от тюркских корней до споров историографов

К XVI веку вольное казачество уже перестаёт быть исключительно «степным» феноменом. В его рядах всё больше выходцев из русских и украинских земель, а к концу столетия они решительно преобладают. Но из своей татарской «колыбели» казаки вынесли многое: элементы материальной и духовной культуры, а также целый пласт терминологии — «атаман», «есаул», «бунчук», «кош», «майдан».

Однако «инородческий компонент» не ограничивался татарами. В казачьих ватаги попадали поляки, валахи, литовцы, кавказские горцы, турки, греки, мадьяры, калмыки, казахи, даже немцы. Но этнический фундамент оставался русско-украинским: на Дону, Волге, Яике — русские; на Днепре — украинцы.

От холостяцких ватаг к семейным станицам

Первые казачьи общины — почти сплошь холостяки. Но со временем казаки обзаводятся семьями (кроме Запорожской Сечи). Жёны — сначала пленницы: татарки, турчанки, горянки. Потом — русские женщины, вывезенные «с Руси» или пришедшие с переселенцами. Во второй половине XVII века русские уходили «в казаки» целыми деревнями. Постепенно эта разнородная масса переплавляется в единую общность с преобладанием русских черт, но с яркими особен-

ностями, которые позволяют говорить о казаках Дона, Яика, Терека как о субэтносах русского народа, а запорожцах — украинского.

Слово «казак»: от скитальца до вольного воина

Филологи доказали: корень «каз» — тюркский, восходит к значениям «бродить», «скитаться». В кипчакско-арабском словаре XIII–XIV вв. «казак» — «бездомный», «изгнанник». В русских источниках слово появляется в конце XIV — начале XV века, сначала означая «изгой», «бродягу», а затем — «вольного воина».

В разных регионах термин имел свои оттенки:

- На Русском Севере — батрак («казачить» = «бятрачить»).
- У ногайцев — человек, ушедший на заработки.
- У кумыков и балкарцев — слуга.
- У осетин — пленник.
- В татарских ханствах — низший разряд воинов.

Вывод историков: «казак» обозначал прежде всего образ жизни, а не этнос. Изгой объединялись в общины, жили набегами, «продавали саблю» соседним правителям — так возникло вольное казачество, оформившееся в Донское, Яицкое, Терское и Запорожское войска.

Миграционная теория: доказательная база

До 1990-х годов общепризнанной была «миграционная теория»: казачество — продукт социального движения беглецов, изгоев, искателей вольной жизни. Она опирается на огромный комплекс источников: документы Посольского приказа (Ногайские, Крымские, Донские дела); именные списки казаков с указанием происхождения; лингвистические исследования говоров; публикации Археографической комиссии (5 томов «Донских дел»).

Эти материалы однозначно свидетельствуют: в XVI–XVII вв. массовый уход «в казаки» русских людей, военное дело как главный промысел.

Автохтонная теория: вызов традиции

С начала 1990-х годов «миграционная теория» подвергается критике. Её называют «казённой», «беглохолопской» и противопоставляют

«автохтонную теорию»:

- Казаки — особый народ, не связанный с русскими.
- Предки — киммерийцы, скифы, сарматы, готы, каза-ры, вплоть до участников Троянской войны (!).

Автор крайних версий — Е. П. Савельев, «донской патриот», выпустивший в 1915 году книгу о «древней истории казачества». Эти идеи подхватили Пудавов, Голубинцев, Быкадоров, Харламов. В эмиграции они оформились в идеологию «Вольноказачьего движения». Краснов в 1944 году заявил: *«Казаки! Помните, вы не русские, вы казаки, самостоятельный народ. Русские враждебны вам».*

Сегодня эти идеи живут в трудах современных «автохтонников», среди которых немало дилетантов, но порой встречаются и профессионалы, не занимавшиеся ранней историей.

Аргументы и споры

Критики «миграционной теории» указывают: слово «казак» встречается в источниках до XV века. Ответ историков: да, изгон назывались казаками раньше, но казачество как политическая сила возникает лишь в конце XV — начале XVI века.

Примеры из источников:

- Ян Длугош (1469): *«Множество татар, собранных из беглецов, которых они называют козаками...»*
- Московский летописный свод (1492): *«Того же лета приходили татарова ординские казаки...»*
- Послание Ивана III (1502): *«А ослушается кто и поидет самодурью на Дон в молодечество...»* («молодец» — синоним «казак»).

К середине XVI века казаки — уже сила, с которой считаются. В 1538 году московские послы сообщают: *«На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и из наших украин казаки...»*

Историографический итог

К середине XVI века завершается первый этап формирования казачества. Оно становится фактором политики, военной силы, культурного феномена. Но споры о его происхождении продолжают — от научных дискуссий до мифов о «Троянской войне».

Казачество родилось из вольной жизни, изгоев и пограничных бурь. И в этом — его историческая правда, которую не затмят ни легенды, ни идеологические спекуляции.

Мифы и реальность: Куликовская битва, крепостное право и казачья вольница

Среди аргументов «древнителей» казачьей истории особое место занимает легенда об участии донских казаков в Куликовской битве 1380 года. Эта версия, записанная лишь в конце XVII века, не подкреплена ни одним достоверным источником и прямо противоречит данным археологии и летописей. Как справедливо замечает В. Ф. Мамонов: *«Никаких сколько-нибудь надежных документальных свидетельств существования донских казаков в 1380 г. нет, а легенд об их участии — великое множество. От автора к автору этот рассказ обрастает новыми подробностями, и даже воевода Боброк Волынский превращается в „казачьего атамана“»*.

На столь же шаткой основе стоят мифы о преподнесении казаками князю Дмитрию икон Донской и Гребеневской Божьей Матери. Из этих легенд сторонники «автохтонной теории» делают «логичный» вывод: к 1380 году донцы имели боевую организацию и храмы. Указывают даже конкретное селение — «Сиротинский городок». Но историки доказали: он возник не ранее конца XVI века. А по запискам иеродиакона Игнатия (1389), сопровождавшего митрополита Пимена в Константинополь, на всём пути по Дону — «ни града, ни села», лишь кочевники-татары.

Манипуляции и подмена понятий

Приверженцы «автохтонной теории» любят опровергать постулаты «миграционной теории», которых в ней... нет. Например: *«На дворе 1380 год. Нет крепостных, не от кого бежать!»* — заявляют они, приписывая историкам мнение, будто казачество возникло только из беглых холопов. Но грамотные исследователи никогда не сводили причины ухода «в казаки» лишь к бегству от крепостного права.

Мотивы были разные, и источники это подтверждают. Литовский посол Михалон Литвин (XVI в.) писал: *«Одни скрываются от власти отца, или от рабства, или от службы, или от наказания за преступления, или от долгов; других привлекают богатая нажива и более обильные места»*.

Английские путешественники называли казаков «изгнанниками, поставленными вне закона». Григорий Котошихин (1666) сообщал: *«А люди они породю москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были к казни... уходят на Дон».*

«Повесть об Азовском сидении» и казачьи голоса

Сторонники «автохтонной теории» отвергают знаменитое признание казаков из «Повести об Азовском осадном сидении» (1642): *«Отбегаем мы из того государства Московского, из работы вечныя, из холопства невольнаго...»*

Почему? Потому что автором считают есаула Порошина — «бывшего холопа». Но «Повесть» передаёт настроения всего Донского войска, иначе не стала бы столь популярной.

И разве чужды казакам строки: *«Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему, з грозным войском не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону рыбы не лавливать...»*

Голоса казачьей интеллигенции

Что скажут «природные» казаки?

- М. А. Полнкарпов: *«По крови казаки — русские люди преимущественно, а в примеси есть всё».*
- П. А. Скачков: *«Казачество — чисто русское, глубоко самобытное явление».*
- Генерал К. И. Сычов: *«Казаки — потомки русских людей, корнями уходящих в земли Московскую, Суздальскую, Рязанскую...».*
- Атаман М. А. Караулов: *«Можно смело сказать: казачество — это Русь, но не безвольная холопская Русь, а Русь свободная, победоносная, широко распространяющая свои орлиные крылья по степному простору».*

Караулов объяснял причины ухода «в казаки»: *«Стекались лучшие люди Московской Руси, кто чуял в себе силушку великую, хотел удаль свою покатать, добыть чести. Сюда же шли те, кто искал спасения от холопства, от тягла, от произвола бояр. Кто жаждал вольной жизни, кого манило товарищеское братство — все стекались на берега „запольных“ речек...»*

Миф о «неумелых беглецах»

Критики «миграционной теории» утверждают: крестьяне не могли стать воинами. Но это — анахронизм. В XVI–XVII вв. жители приграничья жили с оружием в руках. Молодёжь быстро осваивала ратное дело. Примеры:

- Елец, XVII в.: среди казаков-«новиков» преобладали бывшие крестьяне.
- Брянск: крестьяне служили с пищалями и рогатинами.
- Сибирь: добровольцы из крестьян участвовали в походах, получая оружие из казны.
- Поморы: «жилецкие люди» составляли рати ополчений, освобождавших Москву от иноземцев.

История казачества — это история свободы, а не мифов. Она родилась не из легенд о Куликовом поле, а из реальных процессов XV–XVI веков — из бегства, изгоев, пограничной жизни, из стремления к вольности и братству.

Кто были первые казаки: мифы, факты и ландшафты «Дикого Поля»

Исследования военной организации Русского Севера XV–XVII вв., проведённые А. М. Молочниковым, показали: посадские люди и крестьяне прекрасно владели оружием — луком, пищалями, «самопалами», топорками, бердышами, копьями, рогатинами. Это объясняется охотничьими навыками северян. Современники отзывались о них так: *«Великие ратницы и zelo смелы к ратному делу...»*

П. П. Епифанов, специалист по военной истории, отмечал: *«Традиционное умение горожан и крестьян обращаться с холодным и огнестрельным оружием, передаваемое от дедов к сыновьям, давало правительству возможность при огромных потерях ратных людей систематически пополнять „бывлые места“ стрельцов, пушкарей и городовых казаков.»*

Стремление крестьян попасть в служилое сословие было велико, и оно далеко не всегда приветствовалось властью. «Разборь» гарнизонов окраинных городов выявляли множество крестьян, поверстанных в стрельцы, пушкарки, рейтары — часто за взятки. А вольные казачьи общины таких «разборов» не знали...

Крестьяне среди казаков: мифы и реальность

Нынешним казакам неприятно слышать о крестьянских корнях, и идеологи «автохтонной теории» переносят реалии XX века в XVI–XVII вв., утверждая: даже беглые крестьяне «казаками не становились», а если становились, то «через два-три поколения». Но источники говорят обратное: уже в XVII веке прием беглых был обычным делом.

Пример: допросы казаков на Яике (1719): *«Многие объявляют, что они сходыцы и беглецы из разных городов и уездов; пушкарские и солдатские, и казачьи дети, и ясаиные и дворцовые крестьяне, и кузнецы, и посадские».*

К 1724 году на Яике из 4536 казаков выходцами из крестьян оказались 3196 человек, а среди пригодных к службе — более 60%.

Почему? Потому что жизнь на границе с «ордами» была опасной, потери — велики, и казаки не могли пренебречь притоком людей. Они говорили Москве прямо: *«Только де нам людей выдавать, и нам де и на Дону не бывать».*

Если принимали даже пленённых «басурман», то русский православный человек, умеющий держать оружие, был тем более «ко двору».

Советская историография и перекосы

В советское время акцент делался на крестьянском происхождении казаков — в духе «классовой борьбы». Ленин называл казачество «частью крестьянства». Но современные исследования уточняют: до середины XVII века среди казаков преобладали мелкие служилые люди, «боевые холопы», а не крестьяне. Однако отрицать крестьянский элемент нельзя: он был, и его доля росла.

А. А. Станиславский показал: среди казаков атамана Баловня, пленённых в 1615 году, крестьяне составляли 25,5%, а на первом месте были холопы — 35,1%. Даже Е. П. Савельев, апологет «автохтонной теории», признавал: *«На Дону в первой половине XVII века беглые крепостные крестьяне принимались в казаки с охотой».*

Где прятались беглецы? Лес и плавни «Дикого Поля»

Аргумент «автохтонников»: «На Дону нет лесов, гор, болот — негде скрыться». Но это — перенос современных реалий в глубь веков.

В XVI веке вдоль Дона тянулись лесные массивы, низовья изобиловали озёрами, болотами, камышовыми дебрями. М. К. Любавский писал: «В непроходимых плавнях умели ориентироваться только казаки. Турецкие суда, попавшие туда в 1626 году, едва выбрались и больше не решались проникать».

На Волге — Самарская Лука с лесами и пещерами. На Тереке — горы, где «гребенские» казаки селились «на гребнях».

Численность казачества: аргумент против мифов

В конце XVI века вольных казаков было всего 11–14 тысяч, на Дону — около 3 тысяч. К середине XVII века — 10 тысяч, на Яике — 2 тысячи, на Тереке — 500. После Азовского сидения (1641) осталось 4 тысячи, но через 10 лет — уже 10 тысяч, а к 1670 году — 20 тысяч. Естественный прирост? Невозможно. Без притока беглецов казачество не выжило бы.

Мифы «символической этимологии»

Адепты «автохтонной теории» ищут на старых картах созвучия: «азы», «ясы», «касоги», «Казбек», «Каспий» ... Метод этот отвергнут наукой ещё в XIX веке. Но сегодня он возрождается — вплоть до абсурда: «Будда — от племени будинов», «Вишну — от слова „вишня“», «фараон Менес — из Менского района».

Е. П. Савельев в 1915 году писал: «Каян — от „кожаный“, сарматы — от „сыроматы“, гунны — от латинского „ипис“...» Современные «исследователи» идут ещё дальше, забираясь в VIII тысячелетие до н. э., объявляя «первыми казаками» ариев, киммерийцев, скифов.

Историки реагируют жёстко. В. Ф. Мамонов: «Нельзя строить теорию на зыбком фундаменте созвучий». Алексей Пензенский: «Когда дилетанты лезут в лингвистику, они превращаются в посмешище».

История казачества — это не мифы о «Куликовском поле» и «Касахиях». Это реальность XV–XVII веков: беглецы, изгой, служилые люди, крестьянская молодёжь, леса и плавни «Дикого Поля», воинский промысел, братство и свобода.

Казачество родилось не из легенд, а из борьбы за жизнь и волю. И

В ЭТОМ ЕГО ПОДЛИННАЯ СИЛА.

Мифы «автохтонной теории»: от Савельева до современных псевдонаучных сенсаций

К числу самых фантастических гипотез относится версия, восходящая к Е. П. Савельеву: якобы в XIV веке под давлением татар начался «массовый исход» казаков «на Русь». Эти «казаки-севрюки» и «казаки рязанские» будто бы дошли до Ледовитого океана, принесли туда «античные навыки мореплавания», а затем «начали шествие к Тихому океану», став предками землепроходцев и донских казаков. Источники? Ни одного. Но концепция удобна для сторонников «автохтонной теории»: докажешь происхождение казака из Тамбова — услышишь: *«А может, он потомок тех казаков, мигрировавших на Русь в XIV веке?»*

Аргументы «от авторитетов»: миф о Туре Хейердале

Некоторые активисты ссылаются на раскопки Тура Хейердала в Азове (2001): мол, «археологические пласты» доказали «древность казачьего народа». Но Хейердал искал корни... викингов, а не казаков. Его книга *«В погоне за Одином»* была разгромлена научным сообществом за дилетантизм.

Культурные «доказательства»: этнография против мифов

Автохтонники любят противопоставлять казачью культуру «мрачной Московщине»: *«Весёлые яркие станицы резко отличались от унылых сел...»*
«Примитивность московского судостроения...»
«Пение в Московии однообразное...»

Но этнография говорит обратное: различия казачьего быта — это особенности субэтносов, а не признаки «отдельного народа». М. К. Любавский писал о терцах: *«Русская стихия в природе казака осталась преобладающей. Терские казаки, оторванные от Руси, сохранили язык, веру, традиции».*

М. Н. Харузин отмечал: *«Как ни разнообразны местные обычаи — элемент великорусский принадлежит первое место».*

Современные этнологи (М. А. Рыблова, А. С. Каргин, И. А. Аве-

рин) подтверждают: казачья культура — часть общерусской традиции, многоцветье субэтносов, а не «четвёртый восточнославянский народ».

«Лапти и замки»: аргументы из анекдотов

Некоторые идеологи заявляют: *«Казачи никогда не носили лаптей и не запирали дома на замки».*

Но факты упрямы: лапти бытовали на верхнем Дону и Хопре, упоминаются в гравюрах XVIII–XIX вв. Уральские казаки использовали их даже в погребальной обрядности. А замки? Их не знала и русская деревня до XX века.

Лингвистические «открытия»: от «гутор» до «Хаса»

И. В. Качанов объявляет донской «гутор» самостоятельным языком, «близким к германским». М. И. Крайсветный отвергает тюркскую этимологию слова «казак» и выводит его из адыгского «Хаса» — «народное собрание». Но как быть с ареалом термина от Алтая до Дуная, где он означал «изгой», «бродягу»?

Мурад Аджи идёт дальше: казаки — потомки половцев, «насильственно русифицированные». Аргумент? *«Казачи знали тюркский язык».* По этой логике русские Якутии — якуты, а терцы — горцы.

Антропология: миф о «чистоте крови»

В сети встречаются заявления: *«Казачи — единый народ, не смешанный ни с кем, следовавший арийскому закону».* Но источники говорят обратное: браки с «басурманками» были обычны. «Повесть об Азовском сидении» (1642): *«А жены себе красныя и любимыя водим и выбираем от вас же из Царя-града...»* Документы фиксируют: *«Отец русский, мать туркения».* Даже Степан Разин, по некоторым сведениям, был «тумой».

Попытки связать казаков с половцами рвутся под фактами: археология показывает — половцы были монголоидного типа, а не «голубоглазые арии». С. А. Плетьева доказала: «половцы» — калька с самоназвания «сары» («желтые»), а не указание на цвет волос.

История казачества — не цепочка «символических этимологий» и не «арийские законы». Это реальность XV–XVII веков: полиэтнич-

ность, адаптация, смешение, но при доминировании русской культурной традиции. Казачество — не «четвёртый народ», а совокупность субэтносов русского мира, рожденная на границе степи и леса, в вихре войны и свободы.

Факты сильнее мифов. И чем глубже мы погружаемся в архивы, тем яснее видим: казаки — часть русской цивилизации, её вольный, яркий, но не «отдельный» корень.

Последний аккорд дискуссии: факты против мифов

Один из крупнейших отечественных медиевистов, член-корреспондент РАН А. П. Новосельцев — терский казак по рождению — незадолго до своей кончины (1995) подвёл черту под многолетними спорами: *«Термин „казак“ — тюркского происхождения, но это не значит, что восточнославянское казачество было тюркским. Да, отдельные тюркские элементы участвовали в его формировании, особенно на Дону и Урале, но их роль была минимальной».*

Эти слова подтверждают антропологические исследования, начатые ещё столетие назад. В. В. Бунак отнёс донских казаков к преобладающему на русской равнине типу: *«Незаметно сколько-нибудь значительных следов примеси иноплеменной крови».*

Современные исследования (В. Ф. Капибадзе, Е. Ф. Батиева) дали тот же результат: *«Физический статус донских казаков основан на морфологических характеристиках, общих с населением юго-восточных зон Центральной России. Ближайшая генетическая группа — русские Рязанской области».*

И точку поставила ДНК-генеалогия: выборочные анализы не выявили существенных различий между казаками и жителями центральных областей России.

Архивы говорят громче мифов

Документы XVI–XVII вв. фиксируют родственные связи казаков с южнорусскими уездами. «Расспросные речи», прозвища («Тамбовец», «Воронежец», «Белгородец») — всё это свидетельствует: основная масса переселенцев уходила «в казаки» из ближайших к «казачьим рекам» регионов Московского государства.

На Яике в XVII веке «присутствовала почти вся Россия», но преобладали выходцы из Поволжья. Донские казаки — преимущественно

из южнорусских уездов, часто имевшие родственников на Дону. Терцы — сложнее: их корни тянутся к Дону, Волге, Рязанскому княжеству, новгородским землям.

Почему мифы живут?

Потому что «автохтонная теория» опирается не на факты, а на фантазии: «символическая этимология», шаткие аналогии, умозрительные конструкции. Попытки «синтеза» с миграционной концепцией — компромисс между истиной и вымыслом. В науке такого быть не может.

Что важно для объективной концепции?

Историки должны исходить из ключевого факта: «казаки» появились раньше «казачества». Не каждое упоминание термина — свидетельство этнической преемственности. Нужно искать группы, строившиеся на принципах вольных казачьих общин XVI–XVII вв.: социальное равенство; казачья демократия (сходы, выборность власти); разнородовой состав; «воинский промысел» как основа жизни.

Последний признак — решающий. Казаки называли свои объединения «Войсками» и заявляли: *«Без воинского промысла нам не прокормиться»*. Хлебопашество на Дону было запрещено до конца XVII века «дабы воинским промыслам помещки не было».

Прототипы и параллели

Да, в домонгольский период существовали группы, похожие на казачьи — «черные клобуки», «дикие половцы». Но их социальная организация была иной: иерархия, вассалитет, зависимость от князей. После нашествия монголов эти структуры исчезли.

Бродники? Источники говорят: это вольные сообщества беглецов из Юго-Западной Руси, обосновавшиеся в Подунавье, промышленявшие рыболовством, пиратством, наёмничеством. Русские по происхождению, православные, храбрые, с элементами военной демократии. Их сходство с казачеством очевидно, но генетическая связь — дискуссионна. Скорее, бродники — прототип, а не прямые предки.

Можно ли считать бродников прямыми предками казаков XVI–

XVII вв.? Большинство профессиональных историков отвечает отрицательно. А. И. Козлов справедливо замечает: *«Бродницкая версия происхождения казачества, при всей её привлекательности, не имеет под собой веских доказательств»*. Эту позицию разделяют Е. И. Дулимов, В. К. Цечоев, В. А. Волков, а М. А. Рыблова подчёркивает: *«Ни одному стороннику бродницкой теории не удалось обнаружить источника, указывающего на преемственность между донскими казаками и бродниками»*.

История бродников прослежена достаточно ясно: часть ушла в Венгрию, остальные растворились среди дунайских народов. После нашествия монголов южнорусские степи оказались под жёстким контролем Орды, и о вольных общинах там долго не могло быть речи. Если бродники и имеют отношение к казачеству, то лишь как тушиковая ветвь на его родословном древе.

Тмутараканская версия и «мостики» к древности

Попытки связать казачество с Тмутараканским княжеством и «суперпассионарным» населением Тамани тоже не выдерживают критики. Источников нет, аргументы строятся на случайных совпадениях и «модных» причёсках, которые были распространены у кочевников Евразии. Даже капитальное исследование А. В. Гадло о Тмутараканской Руси не упоминает подобных связей.

Социальная природа казачества: государство или архаика?

Споры о том, была ли казачья вольница «демократической республикой», идут давно. Эмигрантские «казакийцы» называли Донское войско «самостоятельным государством», а некоторые современные авторы — «зародышем буржуазной демократии». Но факты говорят иное: отсутствовали налогообложение и независимая публичная власть; судопроизводство опиралось на обычное право, а не на писанные законы.

Казачьи сообщества ближе всего к периоду военной демократии — стадии, когда власть военных вождей сочеталась с коллективизмом. Выборность атаманов, равенство, поголовное вооружение, «дуван» (распределение добычи поровну), сходы — всё это черты архаики. Не предвестие будущего, а рудимент прошлого. Казачьи порядки — отголосок дофеодалных времён, регенерировавший в

экстремальных условиях «Дикого Поля». Личная свобода, братство, дисциплина в бою — это было необходимо для выживания.

М. А. Рыблова пишет: *«Потестарная структура донских казачьих обществ выстраивалась на основе архаичных принципов, воспроизводимых в условиях экстремального существования».*

А В. В. Глущенко называет казачьи вольницы «островками государственно-политического архаизма».

Казачество возникло не как «четвёртый восточнославянский народ» и не как «демократическая республика», а как особая форма социальной организации, приспособленная к жизни на границе степи и леса. Оно вобрало элементы разных культур, но осталось частью русской цивилизации — её вольным, ярким субэтносом.

Выход казачества на историческую арену в XVII веке — это не только восстания Разина и Булавина, но и феномен «показачивания» крестьян и посадских людей. Казачьи формы самоуправления возникли в кризисных ситуациях даже там, где не было вольных казаков — особенно на окраинах и в Сибири.

Почему так легко происходила эта самоорганизация? Потому что казачий уклад был не чужд русской традиции. Он опирался на принципы общинного «мира», глубоко укоренённого в сознании народа. Исследователи (В. А. Александров, Н. Н. Покровский) показали: вплоть до XVIII века в России сохранялись сильные традиции мирского самоуправления, уходящие корнями в догосударственные времена.

А. В. Милов писал о «феноменальной приспособляемости» общины. С. В. Лурье отмечал: *«Миф в древности занимал место государства, а и позже оставался самодовлеющим целым».* Он собирал подати, судил по «обычному праву», имел карательные функции, защищал каждого члена.

Казачья община — это „вчерашний день“ русской крестьянской общины, адаптированный к экстремальным условиям «Дикого Поля». А. В. Данилова справедливо называла казачество «классическим примером общины, удержавшейся на периферии феодального мира».

Архаика и многоукладность

А. Токвиль писал: *«Нарождающийся мир наполовину завален обломками мира отживающего»*. Россия XVI–XVII вв. — яркий пример многоукладности: рядом сосуществовали элементы разных эпох. Казачество — один из самых заметных реликтов догосударственных форм социальности. Но это был живой организм, способный к эволюции. Он развивался в сторону усложнения внутренней структуры, роста социальной дифференциации и втягивания в систему централизованного государства.

От разбойных ватаг к служилому сословию

Начальная стадия казачества мало отличалась от разбойничьих шпек. А. Л. Станиславский показал: *«Между разбойничеством и действиями вольного казачества существовала связь»*. Казаки и разбойники были подчас неразличимы, а некоторые шайки «показывались».

Но постепенно происходило превращение «шайки изгоев» в боевую организацию с системой ценностей. Казачество прошло путь: от варваров-фронтирменов до особого военно-служилого сословия России.

Да, «казацкий хлеб» — разбой — долго оставался реальностью. Донские и яицкие казаки жили набегами, морскими походами «за зипунами». Но наряду с этим существовали понятия чести, братства, воинской славы. Казаки освобождали христианских пленников, отказывались брать деньги за «побитый труп», хранили знамена как святыни.

Взаимоотношения с Москвой: вассалитет, а не суверенитет

Принцип «с Дона выдачи нет!» действовал до XVIII века. Казаки считали службу добровольной, отказывались приносить присягу, но называли себя «холопами великого государя». Формально — подданные, реально — автономные военные сообщества.

О. В. Губенко справедливо отмечает: *«Казачьи области не были реликтовой окаменелостью, их эволюция происходила под воздействием внутренних процессов и реалий времени»*.

Феноменальность казачества

Почему оно выжило, когда «пиратские республики» исчезли? По-

тому что имело тесные связи с «метрополией», было нужно государству как щит и сила. В результате сочетания внешнего давления и внутренней эволюции казачество превратилось в привилегированное сословие и субэтнические группы русского народа.

Казачество и Москва: союзники или враги?

Историки спорят до сих пор...

Вольное казачество и Московское государство — отношения непростые, порой драматичные. Одни видят в них союз, другие — подчинение, третьи — трагедию. Современная историография полна противоречий.

Жалованье как «узда»

Н. А. Мининков в фундаментальной работе пишет: царское жалованье спасало казаков в голодные годы, когда «походы за зипунами» были невозможны. Но это была не просто помощь — Москва таким образом ограничивала разбойничий образ жизни и привязывала казаков к службе.

А. И. Агафонов добавляет: жалованье формировало у казаков представление о зависимости от царя. К XVIII веку служба «государю» стала восприниматься как естественная.

От гордой вольницы к службе державе

Несмотря на конфликты XVII–XVIII веков, интеграция казачества в сословную систему России завершилась успешно. «Идея служения родине» прочно вошла в казачий фольклор. Донцы видели в Руси защитницу от «нехристей» и считали свои походы против татар «держанием Божьей дороги».

Украинские казаки: между Польшей и Москвой

Запорожцы до 1648 года были вассалами польской короны, воевали против России, а иногда грабили русские земли. Союзы с татарами были обычным делом, но антагонизм с ними оставался сильным: казаки считали себя защитниками христианского мира.

Споры историков: кому служили казаки?

Краснодарский историк Д. В. Сень утверждает: казакам было «все равно, кому служить». После раскола они якобы разочаровались в Москве и предпочитали султана. Но коллеги критикуют Сенья за политическую ангажированность.

Еще дальше идут идеологи казачьего возрождения: Россия «отобрала море», «превратила Дон в колонию». В их трактовке Степан Разин — борец за свободу, а Мазепа — герой. Но эти оценки игнорируют жестокость самих казаков: разинские казни, расправы над евреями при Хмельницком, работоторговля. «Ясырь» — рабы, захваченные в походах, был главным товаром на Дону. В XVII веке казаки привозили сотни, а то и тысячи пленников.

Факты против мифов

Экономическая зависимость казаков от России — факт. Без хлеба, пороха и оружия из русских городов Дон не выжил бы. После Азовского сиденья (1637) казаки оказались на грани гибели, и Москва спасла их от уничтожения, направив войска и ресурсы.

Почему казаки тянулись к Москве?

Историк С. М. Маркедонов объясняет: постоянная война с татарами и Османской империей вызывала жажду стабильности. Москва казалась меньшим злом. Добавим: родственные связи, общая вера и язык, торговля — всё это делало союз неизбежным. Отношения казачества и государства были сложными, но взаимовыгодными. Идеализация «вольницы» или демонизация Москвы — мифы. История показывает: друзья-враги были обречены на сотрудничество.

Петр I и казаки: конец вольницы или новый путь?

«Эпоха Петра I — перелом истории и России, и казачества», — пишет историк А. Г. Шкваров. Для одних казаков это был закат, для других — начало новой жизни. Вольные сообщества превращались в государственное сословие. «Вхождение в состав Великороссии», считает Шкваров, было единственным возможным и правильным путем.

Миф о «казачьем геноциде»

Сегодня тема «геноцида казаков» популярна у некоторых активистов. Они причисляют к нему подавление восстаний Разина, Булавина, Пугачева и даже сравнивают с уничтожением индейцев или Холокостом. Другие утверждают: казаки, проливая кровь за Россию, жили «хуже крепостных». Но историки напоминают: крепостное право в XVIII веке было почти рабством, а казаки пользовались льготами и экономическим благополучием, недоступным остальному населению. Генерал А. С. Лукомский писал: «Трудна была служба казачества, но оно пользовалось такими льготами, которых не знала ни одна часть прочего населения России».

Цена прогресса

Подчинение казачества государству сопровождалось жесткими мерами, но было неизбежным. Россия становилась великой державой, и этот процесс дорого обошелся всем — не только казакам. Ликвидация казачьих вольностей рано или поздно должна была произойти, под чьим бы патронажем ни оказались казачьи земли. Превращение казаков в привилегированное сословие сильного государства — не худший вариант эволюции.

С XVIII века казаки активно участвовали во всех войнах России. Именно имперский период дал самые яркие страницы казачьей воинской славы.

Как рождались казачьи войска

На рубеже XVI–XVII веков по великим рекам Дешт-и-Кипчака — Волге, Дону, Северскому Донцу, Яику и Тереку — сложились казачьи сообщества. Они признавали авторитет русского государя, но не законы Московского государства. К концу XVI века донское казачество объединилось в «Войско», официально признанное в документах с 1614 года.

Объединение разрозненных групп в единую корпорацию свидетельствовало о сформированном казачьем самосознании. Войско выбирало атамана, есаула, писаря. Но эти объединения были временными: после походов распадались. Постепенно ситуативные союзы превращались в постоянные войсковые организации.

Смутное время и казаки

Первая гражданская война начала XVII века стала важнейшим этапом институализации казачества. После избрания Михаила Романова одной из задач стало подавление атамана Ивана Заруцкого, заседавшего в Астрахани. Правительство пыталось привлечь волжских казаков, называя их «Войском» — аванс, который позже получили яицкие и терские казаки. Но объединение с «зарутчиками» грозило Москве серьезной силой, и власти стремились этому помешать.

Рост казачьих гарнизонов

К концу XVII века численность служилых людей в Сибири резко выросла. Гарнизоны Тобольска, Тюмени, Томска и Кузнецка увеличились втрое, Енисейска — в пять раз, Нерчинска — в восемь. Уездные центры были немыслимы без казачьих гарнизонов — от десятков до тысяч человек. Сибирское войско становилось мощной силой.

На рубеже XVII и XVIII веков за Уралом насчитывалось более десяти тысяч служилых людей. В Тобольске — свыше двух тысяч ратных, в Тюмени, Томске и Якутске — примерно по тысяче, в Таре — около восьмисот. Красноярский гарнизон имел около 650 человек, Енисейский — 500, Иркутский — 450, Нерчинский и Березовский — более 300, Кузнецкий — свыше 250, Сургутский — около 200, Верхотурский — 150, Илимский — около сотни. В мелких уездных центрах — Пельме, Туринске, Нарыме — всего по пять-шесть десятков ратных. В начале XVIII века численность казачьего войска Сибири немного сократилась, особенно в удалённых гарнизонах.

Служилые люди делились на множество «чинов». Высший — дворяне и дети боярские, единственная категория «по отечеству». Первые появились лишь к концу XVII века, и то в малом числе: в Тобольске в 1702 году было всего 18 дворян. Детей боярских — сотни, в Тобольске около 270. Несмотря на громкое название, это был низший слой господствующего класса, близкий к дворянам. В Сибири они составляли «служилую аристократию», занимали высшие посты и выполняли ответственные поручения.

Основная масса — служилые «по прибору»: казаки, стрельцы, пушкарки. Казаки делились на конных и пеших. Конные подразделялись

на собственно «конных казаков», «литовского списка» и «новокрещённых». Последние встречались только в Тобольске — 30 человек в 1630 году и 48 в 1699-м. В других городах их объединяли с «литвой» и «иноземцами». Среди «новокрещённых» преобладали татары. Большинство представителей местного тюркского населения оставалось в «своей вере». «Юртовских служилых татар» к концу XVII века было более 500 человек. Они несли конную службу и были приписаны к гарнизонам Тобольска, Тюмени, Тары, Томска, Кузнецка, Красноярска.

«Литовские списки» просуществовали до конца XVII века в южных гарнизонах. В Тобольске конная «литва» насчитывала 116 человек в 1630 году и 219 в 1699-м, в Тюмени — 42 и 115, в Таре — 72 и 222. Эти подразделения были этнически пёстры: «литва и немцы и черкасы и новокрещённые татаровья и черемисы», — так писали в документах.

Собственно конные казаки объединялись в «станицы», «сотни» или «приказы». В Тобольске их было 70 в 1630 году и 196 в 1699-м, в Тюмени — 60 и 151, в Таре — 72 и 101. В Красноярске к концу века число конных казаков выросло с одной сотни до двух.

Быстрее всего росла категория пеших службы — пешие казаки, стрельцы, пушкарни. Пушкарей было мало — от одного-двух до десяти-двенадцати на город. Стрельцы в некоторых гарнизонах составляли большинство, но в целом по Сибири преобладали пешие казаки. К началу XVIII века стрельцов было в 2,5 раза меньше, чем пеших казаков. В западносибирских гарнизонах на 1702 год числилось 3 386 человек: 1 157 в Тобольске, 509 в Томске, 486 в Тюмени, 330 в Таре, 295 в Березове, 182 в Сургуте, 132 в Кузнецке, 104 в Верхотурье.

Организация была сложной: пешие казаки — «станицы», стрельцы — «сотни», иногда объединённые в «приказы». «Полный приказ» должен был насчитывать 500 человек, но реальное число редко совпадало с нормой. Этническая однородность не соблюдалась: «иноземцы» попадали и в «русские» подразделения, хотя их было немного.

Казаки и стрельцы в Сибири XVII века практически не различались ни по обязанностям, ни по жалованью, ни по вооружению. Различие в названиях — дань традиции. Когда-то в гарнизоны включали целые станицы вольных казаков, и царская администрация сохраняла

их организацию. Позже порядки унифицировали, но казачья терминология осталась, придавая службе особый престиж. Недаром желающих стать казаками было больше, чем стрельцами.

Командный состав имел самые разные названия: «головы», «сотники», «атаманы», «ротмистры». «Головы» стояли во главе приказов, имели канцелярии с подьячими и денщиками. Ниже — пятидесятники («есаулы») и десятники. «Головы» судили подчинённых, контролировали жалованье, назначали на службы и наказывали за провинности. Методы наказания были суровыми: тюрьма, кнут, батоги, рукоприкладство.

Верстание в казаки разрешалось с 15 лет, чаще — с 18–25. Новоприсоединённые приносили присягу, поручители отвечали имуществом. Служба была тяжёлой и опасной, но желающих хватало: статус служилого был выше, чем крестьянина. Случаи перехода казаков в тяглые слои были редки. В конце XVII века в некоторых городах число казачьих детей превышало численность гарнизона. Массовые наборы проводились для дальних служб: в 1684 году для похода в Даурию набрали 500 человек.

Служба не ограничивалась возрастом: встречались казаки старше 70 и даже 80 лет. Отставка следовала за старостью, болезнью или проступками. За заслуги повышали оклады или переводили в командные должности. Рядовой казак мог стать атаманом или даже попасть в дети боярские. Высшие должности постепенно становились наследственными, но в XVII веке состав верхушки был демократичным: в Восточной Сибири даже в начале XVIII века большинство детей боярских происходило из казаков.

Жалованье включало деньги, хлеб и соль. Конные казаки получали 7–8 рублей в год, пешие — 4,25–5,25. Хлебные оклады — 30–50 пудов муки, соляные — от 1¼ до 2¼ пудов. Денег едва хватало на пропитание двух человек, особенно в дальних городах, где пуд муки стоил до 5 рублей. Выплаты часто задерживались, деньги заменяли тканями или мехами. Казаки влезали в долги, занимались торговлей, промыслами, хлебопашеством, искали «новые земли», отправлялись в экспедиции, напоминая походы «за зипунами». Льготы и единовременные выплаты мало спасали положение. Сибирские служилые могли торговать без пошлин, получать «подмогу на дворь»,

награды «за явственный бой», «прогонные деньги». Но эти «пожалования» едва покрывали расходы на службу.

Сибирские казаки никогда не были «вольными», а всегда — служилыми. Советский исследователь В. И. Петров писал: «Ни о каком сравнении сибирского казачества с казачеством Дона, Запорожья и Яика не может быть и речи». Однако столь резкое противопоставление казаков по обе стороны Урала вряд ли правомерно.

В XIX веке, когда на востоке России официально учреждали новые казачьи войска — Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское, — они создавались по образцу Донского, давно утратившего былую вольность. Но и в XVII веке сибирские казаки имели определённую автономию. Они выбирали «начальных людей», имели собственную казну, сами распределяли тяжёлые поручения и следили за выдачей жалования, стараясь пресечь воеводские злоупотребления. Общие сходы под «войсковым знаменем» были обычным делом.

Жёсткая регламентация быта за Уралом была невозможна: служилые жили вперемешку с неслужилыми, что мешало властям даже при сборе войск. В экспедициях неофициальная организация выходила на первый план. Казаки решали, где строить крепость, когда идти в поход, а порой открыто отказывались подчиняться предводителю. В случае его смерти выбирали нового «до указу». Добыча делилась поровну, как у вольных казаков. Эта сторона жизни сибирских служилых восходит к традициям общинного самоуправления, живучим в суровых условиях Сибири. Казаки были активны, умели отстаивать своё мнение и не склонны к «безропотности», как считали некоторые дореволюционные историки.

Но при всей независимости они понимали: без взаимодействия с государством закрепиться на новых землях невозможно. «Во всех сибирских городах без воевод править никоими мерами невозможно», — признавались служилые в Москве. Парадокс: борясь с произволом власти, они вместе с ней осваивали Сибирь.

Чтобы пройти её от Урала до Тихого океана, казакам понадобилось чуть больше полувека — от основания Тюмени в 1586 году до выхода экспедиции Москвитина на Охотское побережье в 1639-м. Но трудности поражают воображение. Переход через Урал — лесные дебри, каменистые перевалы, бурные реки. Даже на Верхотур-

ской дороге путники тонули в болотах, гибли от волков и пурги. В Сибири — бесконечные волоки: грязь, горы, темные леса. Грузы переносили на себе, суда строили заново. Реки изобиловали порогами: на Ангаре пустые дощаники тянули канатами по камням, на Илеме грузы «обносили на себе». Навигация короткая, зимовки в пустыне — обычное дело. На сухопутных дорогах лошади погибали, а люди ели сосновую кору.

Морские пути были ещё страшнее. «Мангазейский ход» — бурное море, штормы, льды. «Льды ходят и кочи ломают», — писали современники. Мореплаватели замерзали в открытом море, переползали с льдины на льдину, умирали от голода и цинги. Даже на берегу жизнь была адом: морозы «малого ледникового периода», короткое лето, полчища гнуса. Казаки служили «с травы и воды», питались корой. Любая ошибка в организации экспедиции — гибель десятков людей. В походе Пояркова на Амур от голода умерли сорок человек, в экспедиции Дежнёва из ста выжили двенадцать, из пятисот дружины Ермака — около ста.

И всё же Сибирь была пройдена. «Уму непостижимо!» — писал В. Г. Распутин. Без дорог, без карт, среди враждебных племён, теряя товарищей, казаки шли всё дальше на восток. Но кроме природы их ждали войны. Тунгусы — «люди воинсты, боем жестоки», якуты, буряты, киргизы — все воинственные, жестокие. Коряки грабили казённые грузы, камчадалы славились «ужасающей жестокостью», юрацкая «кровавая самоядь» держала русских в осаде. Присоединение Сибири дорого обошлось народу: из 60 казаков Атласова на Камчатку вернулась лишь половина.

Освоение новых земель начиналось с постройки острога и размещения гарнизона. Служилые налаживали сбор ясака, транспорт, пашню, оборону. За ними тянулись «вольные гулящие люди», промысловики, крестьяне. Так осваивалась Сибирь — с опорой на казачьи войска, универсальные и незаменимые. «Без казаков никак обойтись невозможно», — писал сибирский губернатор XVIII века. Казаки стояли на караулах, сопровождали грузы, ловили рыбу, строили суда и крепости, выполняли «государевы изделия». Но самые тяжёлые — «дальние посылки»: годовая служба, а порой и по 6–8 лет вдали от дома. Многие не возвращались, оставаясь в новых гарнизонах.

Конные казаки, а также казаки «литовского» и «новокрещёного» списков выполняли поручения, требовавшие скорости и манёвренности: были гонцами, участвовали в походах в степь, несли караульную службу на южных рубежах Сибири, охраняли острожки, сопровождали хлебные обозы, искали беглых колодников. Из них формировали посольства для переговоров со степными правителями и охрану дипломатических миссий в Китай.

Пешие казаки брали на себя основную тяжесть «дальних посылок»: годовая служба в чужих острогах, перевозка казённых грузов, сбор ясака в таёжных волостях. Они проводили вдаль от дома гораздо больше времени, чем конные, у которых длительные отлучки случались лишь на «посольской службе».

Во главе посольств и экспедиций ставили детей боярских и дворян — «служилую аристократию» Сибири. Они исполняли самые ответственные поручения, становились «приказчиками» в слободах, а порой и воеводами «до указа». Но малолюдство заставляло поручать важные дела и низшим чинам: рядовые казаки становились «приказными» в зимовьях, «дозирали» земли, устраивали слободы, прибирали крестьян.

Нередко служба не соответствовала «чину»: там, где не было конных казаков, на коней сажали пеших и стрельцов. В Якутии, где конная служба не прижилась, казаки сами покупали лошадей, оленей, нарты, лыжи — тратили по 150 рублей и больше, влезали в долги, давали кабальные расписки. Чтобы рассчитаться с кредиторами, задерживались в «дальних посылках», добывая меха и «рыбий зуб».

Военно-административный аппарат Сибири работал с перегрузкой. «За службами» в городах оставалось «малое число», «на караулы не доставает». В дальних зимовьях казаков порой было меньше, чем аманатов, которых они охраняли. «Жить страшно», — писали воеводы. Кучки смельчаков голодали, отсиживались за полуразрушенными стенами, отбиваясь от «немирных иноземцев». Особенно тяжела служба была на северо-востоке и Тихоокеанском побережье, где местные племена сопротивлялись и угрожали жизни ясачных сборщиков.

Порядок чередования тяжёлых и лёгких служб в Сибири почти не соблюдался. Жалобы на внеочередные «посылки» были обычным

делом, но проверки показывали: причина — малолетство. Любая «государева грамота» могла сорвать очередность: карательный поход, отправка «годовальщиков» в новый острог. Дополнительные нагрузки ложились на тех, кто владел редкими навыками: степной службой, морским ходом, знанием татарского языка. Их «без счёту» посылали в походы и посольства.

Чтобы не сорвать службы, допускался наём заменщиков. Формально — только из служилых, но фактически брали кого угодно: неверстанных казачьих детей, братьев, племянников. Это не радовало воевод, но власти мирились: иначе «службы встанут». К тому же наёмничество приобщало к ратному делу широкие слои населения — немаловажно для обороны края.

Опасность подстерегала русских людей повсюду, но особенно в южной Сибири — богатой, плодородной, и потому желанной для кочевников. С начала XVII века постоянную угрозу создавали калмыки, объединявшиеся с «кучумовичами», ногайцы, башкиры, а к концу века — казахи и каракалпаки. В Восточной Сибири набеги бурят, а наибольший урон наносили енисейские киргизы, опиравшиеся на джунгар.

Год за годом степняки убивали русских и «иноземцев», захватывали полон, грабили скот, жгли деревни, штурмовали остроги и монастыри. Сожжены Канский и Ачинский остроги, Рождественский и Далматов монастыри; Красноярск едва отбил. Особенно тяжело приходилось красноярскому, кузнецкому, тарскому и тюменскому гарнизонам. Для защиты расселяли слободских и беломестных казаков, служивших «с пашни» почти без жалованья, но освобождённых от налогов.

Надежды на войска «нового строя» — рейтар и солдат — не оправдались: «рейтар татарина догнать в поле строем не успеет». В 1667 году набрали драгун, но и они вскоре превратились в беломестных казаков. Оборонительная линия крепостей вдоль южной границы сыграла роль, но перелом наступил лишь с активной обороной — карательными походами и превентивными ударами. В конце XVII века ситуация изменилась, а в начале XVIII укрепилась строительством новых острогов: Абаканского (1707), Саянского (1709), Чаусского, Бердского, Ямышевской, Омской, Семипалитинской, Усть-Камено-

горской крепостей. Новая линия прикрыла российские владения в Барабинской степи, Верхнем Приобье и на Алтае.

Представления о том, что русские побеждали в Сибири исключительно благодаря огнестрельному оружию, не выдерживают проверки фактами. В XVI–XVII веках отсутствие ружей не мешало крымским и ногайским татарам сжечь Москву в 1571 году. «Огненный бой» давал преимущество, но не решал исхода: пищали были тяжелыми, медленно заряжались, действовали на сто метров, а в дождь становились бесполезными. Боеприпасов катастрофически не хватало. Даже народы крайнего северо-востока быстро приспособивались, стреляли из захваченных пищалей. Кочевники южной Сибири — киргизы, калмыки — во второй половине XVII века сами имели ружья.

Лук оставался грозным оружием. Его совершенствовали до такой степени, что он конкурировал с пищалью по дальности и превосходил по скорострельности. Казаки охотно пользовались луками вплоть до XVIII века, особенно в степи, где темп боя решал всё. В Зауралье при обороне слобод лук порой был единственным оружием. Сибирские стрелки били метко: самоседы попадали в монету на дальнем расстоянии, чукчи пращами пробивали щиты и котлы. Ранения от стрел были обычным делом, а яд делал их смертельными.

Русская артиллерия за Уралом была ничтожна: в Тобольске — 20 пушек, в Таре — 18, в Березове — 10, в Сургуте — 6. В походы брали редко и только малокалиберные. Главная сила — пищали, но их медлительность и ненадёжность делали рукопашный бой неизбежным. А в ближнем бою сибирские «иноземцы» часто превосходили русских: у них были кольчуги, шлемы, доспехи для коней, а где не хватало железа — костяные куяки и шишаки. Тунгусы выходили «збруйны и оружейны», с луками, копьями, щитами. Кочевники юга Сибири — быстрые, маневренные, прекрасно вооружённые — представляли страшную силу.

И всё же верх чаще брали русские. Почему? Не только оружие, но и стратегия. С самого начала казаки использовали «судовую войну» — речные походы на стругах, превращавшихся в плавучие крепости. У кочевников флота не было, и это давало казакам решающее преимущество. Они умели «держатъ строй», быстро строить укрытия, становиться в круговую оборону — «укрепясь табором». Телеги, лыжи,

нарты превращались в заслон от стрел. Тогда даже многократно превосходящий враг не мог «копьем смешать» казаков. «Стратегически наступать, тактически обороняться», — так определил их тактику историк А. П. Васильев.

При обороне городов русские показывали высшее мастерство. «Московиты превосходят все народы мужеством и пылом в защите крепостей», — признавал Стефан Баторий. В Сибири казаки строили крепости на скорую руку, отражали «приступы» маньчжуров на Амуре, киргизов под Красноярском, племена тайги. Победы решали не только выстрелы со стен, но и внезапные вылазки, навязывание ближнего боя. Здесь сказывались народные традиции «кулачного боя», «стенка на стенку», приучавшие действовать строем. Казаки были не только стойкими «градодержцами», но и умелыми «градомцами»: брали укрепленные городки по всем правилам военного искусства — с «осадными» бапнями, подвижными щитами.

Но главное оружие казаков — их дух. Отчаянная храбрость, упорство, выносливость, предприимчивость, умение действовать в любых условиях. «Храбрые как тигры и искусные в стрельбе», — говорили о них в Китае. Чукчей поражала не пальба, а «бешеная храбрость и непредсказуемость». Эти качества удесятерили силы казаков, парализовали волю врага. Именно они, а не мифическая «легкость завоевания», объясняют, как горстки людей прошли Сибирь, выдержали голод, морозы, набеги и победили.

Сегодня отношение к землепроходцам вызывает споры. Их называли «героями», потом — «конкистадорами», «разбойниками». В публицистике звучат слова «преступление», «зверства». Да, война жестока, нравы XVII века суровы. Но судить прошлое по меркам настоящего — ошибка. «Нельзя судить предков по нынешним меркам», — писал Ю.А. Поляков. Казаки были детьми своего времени. И при всех жестокостях они проявили качества, которые ценятся всегда: мужество, стойкость, товарищество. Эти черты сделали их героями первого, «героического» периода освоения Сибири.

Сибирь знала два типа землепроходцев. Первый — типичный «конкистадор», для которого жизнь была походом, а цель — добыча. Отчаянные, авантюрные, нахрапистые, они не останавливались ни перед чем. Иван Галкин, Михаил Стадухин, Ерофей Хабаров — яр-

кие представители этого типа. Их поступки часто выходили за рамки современной морали, но без таких «удальцов» покорение Сибири было бы невозможно. Время породило их — и время же быстро убрало с исторической сцены.

Второй тип — осмотрительные, степенные, деловитые люди. Они предпочитали мирные решения, умели ладить с любыми племенами, отличались совестливостью и уживчивостью. За ними было будущее русской Сибири. Самый известный — Семён Дежнёв. К нему по духу близки Пётр Бекетов, Максим Перфильев, Яков Тухачевский. Их деятельность отражена в источниках меньше — приказная документация фиксировала войны, а не мирные отношения. Но факты говорят сами за себя: у русских были «старые друзья» среди аборигенов, «иноземцы» просили присылать к ним знакомых служилых, казаки оставляли семьи на попечение местных, получали предупреждения о набегах, а порой спасались благодаря помощи ясачных якутов, тунгусов, бурят. Известны случаи, когда «иноземец» закрывал русского друга своим телом.

Историки всё чаще пишут: у казаков XVII века не было ксенофобии. «Русский человек легко уживается с людьми», — отмечал П. Н. Буцинский. Отсутствие презрения к «инородцам», житейская уступчивость — черта национального характера. «Духом нетерпимости русские переселенцы в Сибири никогда не были проникнуть», — писали дореволюционные исследователи. Иностранцы тоже удивлялись: у русских нет снобизма, свойственного европейским колонизаторам. В 1805 году сургутские казаки гордились умением «приводить в спокойствие» ясачные народы «ласковостью». И. А. Гончаров в 1854-м описал сцену: казак и туземец поочерёдно рубят бревно, делясь топором и трубкой. «Русский солдат дружится с народом, которого победил», — писал американский сенатор Бэверидж в 1901 году.

Да, жестокости были. Война всегда жестока, а XVII век — особенно. Среди служилых встречались ссыльные уголовники, маргиналы, особенно в дальних острогах. Грабежи, «лихие дела» фиксировались в документах. Но Москва жёстко реагировала: за «обиды» ясачным людям казаков били кнутом «безо всякие поноровки» и ссылали. Политика была ясна: сохранить и приумножить число ясачных —

поставщиков пушнины, главного богатства Сибири. «Приводить ласкою и приветом», — предписывали власти. Даже при принуждении к ясаку рекомендовалось «смирять слегка». Эти меры действовали. Со временем состав гарнизонов менялся: вместо «гулящих» приходили семейные, благонадёжные люди, стремившиеся к миру. Менялось и отношение «иноземцев»: они оценили выгоду торговли, а стабилизация обстановки изменила менталитет всех обитателей края.

Сравнения русской и западноевропейской колонизации любят делать и сегодня. Но статистика говорит сама за себя: если в Северной Америке численность коренного населения с XVI по XIX век сократилась в несколько раз, то в Северной Азии — выросла. И в этом заслуга служилых людей, которые были главной силой на первом, самом трудном этапе освоения Сибири. Долгое время историография отдавала пальму первенства крестьянству, но новые документы доказали: именно казачество сыграло решающую роль в присоединении и освоении края.

Особая страница — доставка «мягкой казны» в Москву. Пушнина была валютой, спасавшей страну после Смуты. Эти экспедиции служилых людей превращались в военные операции. За «сибирский приезд» их награждали деньгами и сукном. Расходные книги Казенного приказа фиксируют эти пожалования с 1613 года. Они — уникальный источник, позволяющий восстановить хронику первых лет после Смуты, когда Россия, разорённая войнами с Польшей и Швецией, начинала возрождаться. Сибирская пушнина стала опорой государственной казны и дипломатии, обеспечивая «поминки» для посольств и укрепляя международные связи.

Поездки сибирских служилых в Москву под формулой «сибирский приезд» имели не только цель доставки ясака, но и дипломатические миссии. С 1616 года Боярская дума возложила на Приказ Казанского дворца и тобольского воеводу отношения с калмыками, Бухарой, Монголией и Китаем. В этих случаях жаловали «за службу и приезд». Воеводство в Тобольске возглавил князь Иван Семёнович Куракин — фигура не случайная: на фоне попыток Англии через Джона Меррика добиться транзита в Иран и поиска пути в Китай и Индию Россия укрепляла позиции в Сибири. Геополитика кипела: маньчжуры создали государство Цзинь, возникло Джунгарское хан-

ство, ойраты откочевали вдоль русских рубежей, обрушившись на ногаев. В этих условиях на воевод и ратных людей ложилась задача, когда метрополия не могла дать реальной военной поддержки.

Для Березова это означало обеспечение «Мангазейского хода», охрану гарнизона и подчинение ненцев — превращение их из «иноземцев» в ясачных. Конец XVII века изменил приоритеты: Мангазея утратила значение, но в 1617–1619 годах интенсивность приездов резко выросла — знак укрепления власти и наполнения казны.

Право и церковь в этот период играли особую роль. Уставы князей Владимира и Ярослава регулировали церковные суды, но казачество там не упоминалось. Лишь Соборное уложение 1649 года впервые закрепило казаков как служилых «по прибору» в полках нового строя, с правом на «корма» и беспошлинную торговлю. До XV века казачество не отражено в законах — это подтверждает существование «протоказачества». Его истоки — в славянском населении хазарских степей, бродниках, черных клобуках, половцах. Эти группы, сохранив культуру и язык, влились в казачий этнос. Половцы, разгромленные монголами, сами подверглись славянизации и христианизации. В ордынский период (XIII–XIV вв.) появляются первые «протоказачьи» общины удальцов на пограничье. Тогда слово «казак» означало скорее профессию — вольный воин.

XV–XVII века — третья стадия: формируются общества донских, азовских, гребенских казаков. Они малочисленны, но выживают благодаря военной организации и поголовному вооружению. XVI век приносит мощный поток беглых крестьян и холопов. Казачество становится метаэтнической общностью. Четвёртый этап — создание казачьих войск в составе Российского государства. От договорных отношений — к интеграции: экономические связи, культурный обмен, служба, совместные войны стирают различия. Казачество превращается в культурно-историческую общность, служилое сословие и административно-территориальную единицу.

Обычное право долго оставалось главным регулятором жизни казаков. До «Положения об управлении войском Донским» 1835 года оно было выше приказов и даже законов. Войско Донское — протогосударство с признаками суверенитета: своей территорией, военной демократией, народным собранием — войсковым кругом, выборным

атаманом, массовым вооружением. Оно вело войны, заключало союзы, наказывало нарушителей, но не защищало частную собственность и не развивало экономику, что мешало генезису государства. После восстания Разина в 1671 году донцы впервые принесли присягу царю, признав верховенство московских законов. К рубежу XVII–XVIII веков войско утратило международный диалог, миграция на Дон ограничилась, но обычное право сохраняло силу. Земля войска Донского стала коллективной собственностью через «вольную заимку», границы были подвижны, определялись силой. С потерей суверенитета право распоряжения землёй перешло государству, но автономия сохранялась: в 1711 году край вошёл в Азовскую губернию, а в 1793 году признан субъектом империи.

Военная демократия казаков — один из последних примеров в Европе. Народное собрание, выборность атамана, участие всех полноправных казаков в управлении, отсутствие узурпации власти — всё это делало круг высшим органом. Публично регулировались только общие дела, остальное — «станичным правом». Так формировалась уникальная правовая культура, впоследствии воспринятая российским законодательством.

Войсковой круг и атаман — главные институты власти донского казачества. Круг объединял всех полноправных казаков, атаман исполнял его решения. В начале XVIII века власть стала иерархичной: усилилась роль атамана и старшины как привилегированной части казачества.

Казачьи общины формировались не по родству, а по совместной военной и хозяйственной деятельности. С середины XVI века появляются стационарные «городки» с органами самоуправления и обычным правом. В 70-х годах XVI века создаются органы власти войска Донского, охватывавшие Нижний Дон. В Смутное время «низовые» казаки объединили все поселения.

Экономическая слабость компенсировалась агрессивной военной политикой: набеги на соседей, участие в войнах, добыча имущества. С конца XVI века Москва ограничивает казачью «вольницу», а в XVIII веке полностью контролирует мобилизацию. Основным источником дохода становится земледелие.

Обычное право — базовый регулятор жизни казаков. Оно форми-

ровалось с XVI века из обычаев, прецедентов, договоров, христианских норм и рецепции чужих традиций. До 1671 года донцы признавали только свои законы. После присяги царю началась инволюция обычного права: в XVIII веке оно стало волевым, отражая интересы старшины. В конце XVIII века его заменяет российское законодательство, но с учётом казачьих традиций. Итог — «Положение об управлении войском Донским» 1835 года, вобравшее полезные обычаи.

Нормы обычного права были устными, казуальными, обязательными, но допускали разную трактовку. Контроль обеспечивало общество и органы власти. Источники — обычаи (санкционированные традиции), прецеденты (решения кругов и атаманов), договоры (международные и внутренние, часто вербально-символические).

Община имела органы самоуправления: станичный круг (высший орган), станичную избу с атаманом, есаулом, стариками и писарем. Станичное право регулировало местные отношения, войсковое — межобщинные. Земля и ресурсы были коллективной собственностью: войско владело, станица распоряжалась, казаки пользовались. Приём в казаки сначала решал станичный круг, с XVIII века — донское правительство.

Правовой статус индивида делился на общий (для всех казаков) и особенный (по возрасту, богатству, положению, вере). Классификация: «верховые» и «низовые», домовитые и голытьба, старики и молодые, старшина и рядовые. Некатегоризированные мигранты получали «вид на жительство», но не статус казака. Пленники не имели прав, свободные иностранцы подчинялись казачьему праву. Принцип: «С Дона выдачи нет!» — действовал до XVIII века.

Судопроизводство основывалось на обычном праве. Специализированных судов не было: дела решали круги, атаманы, ватажники. Производство делилось на «общее» (в городках и войске) и «особое» (в походах). Приговоры выносились публично, чаще консенсусом. Доказательства — показания, присяга, поручительство. Самосуд допускался как форма инициативной самозащиты. В походах власть атамана была абсолютной, но после возвращения он отвечал перед войсковым кругом.

Обычное право в XVI–XVIII веках было главным регулятором

жизни казаков. Оно обеспечивало порядок в условиях отсутствия государственных институтов. К концу XVIII века уступило место закону, но стало основой для нормативной базы казачества.

Стремление казаков к созданию «государства в государстве» — одна из самых интригующих страниц их истории. Войско Донское долгое время балансировало на грани оформления собственной государственности, но так и не перешло этот рубеж. Казачья демократия, основанная на войсковом круге и выборности атаманов, была уникальной моделью самоуправления, сочетавшей элементы военной организации и народоправства. Казаки считали свою систему альтернативой крепостническим порядкам России, а себя — «рыцарским сословием». Однако отсутствие писаного права, слабость механизмов защиты от узурпации власти и приток беглых крестьян привели к кризису казачьей демократии.

Казачьи республики, такие как Запорожская Сечь, представляли собой военные демократические общины, где все казаки были свободны и равны. Управление строилось на выборности, совместном решении вопросов, товариществе. Но постепенно богатая верхушка становилась «равнее», усиливалась роль атамана, а рада совмещала функции законодательной, исполнительной и судебной власти. Демократия соседствовала с элементами диктатуры: атаман мог принимать стратегические решения и выносить смертные приговоры. Тем не менее казачьи республики оставались примером самоуправления, основанного на компромиссе и согласии.

Идея независимого казачьего государства не была утопией. Воляница и свобода стали фундаментом казачьей идентичности. Московское правительство мирилось с автономией в обмен на службу и защиту границ, но по мере централизации власти пространство для казачьей самостоятельности сужалось. В 1775 году Запорожская Сечь была уничтожена, а казачьи земли окончательно интегрированы в империю. Однако традиции самоуправления, выборности и военной демократии сохранились, проецируясь на последующие формы казачьей организации.

Казачьи республики были параллельной моделью государственности в рамках империи — потенциально государственным образованием, сочетавшим элементы обычного права, патриархальной

семьи и военной демократии. Они демонстрировали зачатки гражданского общества, снижали авторитарные тенденции и давали пример самодеятельности в условиях суровой политической реальности. Но противоречие между свободой и властью, анархией и порядком, усилившееся в эпоху социальных потрясений, предопределило их судьбу. К началу XX века казачьи земли стали «пороховой бочкой», что взорвалось в Гражданскую войну, когда идея казачьей государственности вновь всплыла на поверхность.

После Гражданской войны идея казачьей государственности не исчезла. В эмиграции объединяющую роль в создании сепаратистского движения сыграли донцы — инициаторы Союза вольного казачества. Его идеологи единогласно выбрали федеративное устройство будущей «Казаккии», отталкиваясь от опыта казачьих проектов времен Гражданской войны и отрицательного примера Чехословакии, где унитарная форма не спасла страну от распада. Централизм казачьи лидеры отвергли сразу: характер казачества, деление на войска, этническая пестрота регионов требовали федерации.

Проект Конституции Казаккии, опубликованный в журнале «Вольное казачество» в 1932 году, поражал уровнем проработки. 14 глав охватывали все сферы жизни гипотетического государства: территорию, власть, права граждан, юстицию, армию, финансы, церковь. Территориальной основой должны были стать семь областей: Дон, Кубань, Терек, Яик (Урал), Астрахань, Оренбург и Калмыцкая область. Каждая — с собственной конституцией. Гражданство автоматически предоставлялось казакам, горцам, калмыкам, коренному населению и «иногородним», проживавшим на территории до конца 1918 года. Остальных предполагалось «оказачить», привив им казачьи традиции.

Высший орган власти — Верховный Союзный Крут, обладавший учредительными полномочиями: изменял Конституцию, избирал атамана-президента, контролировал правительство. Законодательная власть принадлежала Союзному Круту, исполнявшему функции парламента. Исполнительную — атаман-президент, избираемый на пять лет, «Верховный Вождь» вооружённых сил и глава Совета Министров. Структура власти сочетала казачью архаику с современными конституционными принципами.

«Союзная Конституция Казакнии», как и сама Казакия, осталась на бумаге. Советское государство оказалось прочнее, чем думали эмигранты. Но идея не умерла: её упоминание в «Акте о порабощённых нациях» Конгресса США (1959) сделало Казакию нереализованным субъектом международного права. После распада СССР мысль о казачьих республиках всплыла вновь. Осенью 1991 года были самопровозглашены «Донская», «Терская», «Армавирская», «Верхне-Кубанская» и другие казачьи «республики». Однако в современных условиях подобные проекты выглядят скорее как сепаратизм, чем как возрождение исторической независимости.

Казачьи республики и правовой статус казачества в постсоветский период

20 ноября 1991 года на Большом казачьем круге Юга России в Новочеркасске было объявлено об объединении нескольких самопровозглашённых казачьих «республик» в Союз Казачьих Республик Юга России (СКРЮР) со столицей в Новочеркасске. Союз позиционировался как союзная республика в рамках предполагавшегося Союза суверенных государств. Были учреждены органы управления и создано представительство в Москве.

В дальнейшем, наряду с официально зарегистрированными казачьими обществами, появились общественные объединения, часть которых продолжала традицию 1990-х годов, выдвигая идеи изменения административно-территориального статуса регионов компактного проживания казаков. Одним из примеров стала «Донская Казачья Республика», декларировавшая цель преобразования Донского края в субъект с собственной конституцией в составе Российской Федерации. Эти инициативы вызвали правовую оценку государственных органов, поскольку действующее законодательство не предусматривает создание территориальных образований вне установленного конституционного порядка.

Сегодня правовое регулирование деятельности казачьих организаций в РФ основывается на ряде нормативных актов. Ключевыми документами являются:

- Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества (утверждена в 2008 г.), определяющая принципы взаимодействия госу-

дарства и казачества.

- Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», регулирующий статус реестровых казачьих обществ.
- Федеральный закон «О некоммерческих организациях» и Федеральный закон «Об общественных объединениях», применяемые к нереестровым казачьим организациям.

В современной правовой системе существует два основных типа казачьих объединений: Реестровое казачество — организации, внесённые в государственный реестр и участвующие в государственной службе и Общественные казачьи объединения — добровольные организации, действующие на основе норм гражданского законодательства.

Различие статусов отражается в правах и обязанностях, включая возможность заключения договоров с государственными структурами. Это обстоятельство стало причиной дискуссий о необходимости унификации правового регулирования и сохранения единства казачества.

Исторически идея казачьей автономии и самоуправления имеет глубокие корни, начиная с традиций войсковых кругов и обычного права. Однако в современных условиях развитие казачества происходит в рамках правового поля Российской Федерации, с акцентом на участие в государственной службе, охране границ, воспитании молодёжи и сохранении культурного наследия.

Реестровое и нереестровое казачество: раскол и стратегия

Главная проблема современной казачьей политики — различие в подходах к реестровым и нереестровым организациям. Первые получают поддержку государства, вторые остаются фактически предоставленными самим себе. Это вызывает недовольство значительной части казачества. Логично, что вопрос требует обсуждения на уровне Совета при Президенте РФ по делам казачества.

Радикальное решение, которое предлагают некоторые эксперты, — изменить сам принцип формирования реестровых структур. Вместо громоздкой системы, копирующей модель начала XX века, создать несколько казачьих войсковых бригад в составе силовых ве-

домств. Остальные организации после строгой переаттестации и перерегистрации могли бы работать как культурные и общественные объединения, сохраняя традиции и воспитательные функции. При этом важнейшим условием развития казачества остаётся взаимодействие с Русской православной церковью. «Без православия невозможно существование казачества», — напомнил Патриарх Кирилл в Новочеркасске 14 октября 2009 года. В 2010 году решением Священного синода создан Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством, определены войсковые и окружные священники.

Стратегия 2020, подписанная Президентом РФ, стала продолжением «Концепции государственной политики» 2008 года, но вызвала неоднозначную реакцию. Документ исключил раздел о деятельности общественных казачьих организаций, сделав упор на реестровые структуры (около 600 тыс. членов). Это усилило опасения монополизации движения и игнорирования нерестровых объединений. В стратегии говорится о создании «единого казачьего движения», что, по мнению экспертов, противоречит Конституции РФ и может привести к конфликтам.

Казачи также указывают на игнорирование хозяйственного опыта дореволюционного казачества. Вместо льгот за службу предлагается создание ЧОПов, а надежды на возвращение земельного фонда перечёркиваются ссылками на Земельный кодекс. Опасения вызывает и возможное поглощение общественных организаций реестровыми структурами. Новая Стратегия 2026–2035 гг., задуманная как платформа для объединения, рискует стать поводом для нового раскола.

Вывод: казачество должно оставаться единым, православным и вольным, служить Отечеству и сохранять традиции. Государственная политика должна отказаться от экспериментов, учитывая исторический уклад и прогресс общества. Раскол, возникший после 1990-х, большинство казаков считает искусственным: 64% уверены, что он был навязан извне. При этом лишь 7% полагают невозможным создание единой идеологии. Это значит, что у казачества есть потенциал для консолидации — при условии диалога и уважения к его уникальной роли.

Вернемся к истории. До Первой мировой войны в Терском войске числилось 239,5 тыс. казаков, к 1917 году — 251 тыс. человек обоого

пола. Простая арифметика показывает: на одного станичника приходилось 6,93 десятины всей юртовой земли и 5,64 десятины удобной. На взрослого казака — около 12,3 десятины удобной и 15,1 всей земли. Но нормы сильно колебались: от 7,6 десятин в Сунженском отделе до 16,6 в Кизлярском. По данным А. П. Ермолина (по Янчевскому), пай терца составлял 18,8 десятины всей земли и 15,3 удобной, на Кубани — 12,5 и 7,7 соответственно. Это доказывает: реализовать норму положения 1869 года (30 десятин на взрослого казака) не удалось. Земля нарезалась станичным обществам, а не индивидуально, и часто в неудобных местах. Юртовая земля фактически была станичным капиталом, а не средством производства. Она сдавалась в аренду «иногородним» крестьянам или использовалась под покосы и выпасы.

Традиционное хозяйство казаков держалось на скотоводстве и коневодстве, рыболовстве, садоводстве, виноградарстве. Хлебопашество долго было запрещено, особенно на Кавказе, где война мешала обработке земли. Лишь к концу XIX века земледелие стало расти, а скотоводство падать: в 1901 году на 100 человек приходилось 452 головы скота, к 1910 — уже 304. Это отражало имущественное расслоение. Главная причина аренды земли — огромные расходы на военную службу. Каждый терец обязан был явиться с собственным строевым конём (войско давало пособие 100 руб.), пашкой, кинжалом, седлом, уздечкой, буркой, башлыком, папахами, черкесками, бешметами, сапогами, полушубком, нагайкой, патронташем, подковами, скребницей, щёткой... Казна обеспечивала лишь бельё и мелочи, а огнестрельное оружие и тулупы выдавались с последующим возмещением за счёт войсковых сумм. Снаряжение одного казака ложилось тяжким бременем на семью и станичный капитал. Кроме того, станичный фонд покрывал расходы на самоуправление, школы, церковь, дороги. Поэтому юртовая земля активно сдавалась в аренду, а в обработке у казаков оставались крохи. В станице Тарской из 11,6 десятин на душу под распашку шло менее двух, остальное — аренда, покосы или непригодные земли.

Реформа 1869 года осталась на бумаге. Ленин, утверждавший, что казаки имели по 52 десятины на двор, опирался на формальные данные, не учитывавшие реальность. Однако его вывод об «особости»

казачьих областей и замедленном имущественном расслоении был верен. Большевицкая политика стремилась ускорить этот процесс, расколоть казачий мир на «красных» и «белых». Отсюда — расказачивание как попытка революционного ускорения пролетаризации. Ленин, впрочем, не был догматиком: в телеграмме Реввоенсовету Южфронта (3 июня 1919 г.) он осудил перегибы «расказачивания». На VIII съезде РКП(б) принята резолюция о союзе с середняком и «непролетарскими слоями трудящихся».

После Гражданской войны казачья тема утратила остроту, но в годы НЭПа оставалась объектом партийного внимания. Первые исследования казачества появились уже в 1918–1920 гг. — работы И. И. Ульянова, партийного деятеля, инициатора создания красно-казачьих частей. В агитации тех лет характерен пример Демьяна Бедного: брошюра «Красный казак» переиначивала народные песни, противопоставляя «старое» и «новое». В ней звучал призыв к молодым казакам порвать с традициями, «стать за власть советскую». Эти тексты, иллюстрированные агитплакатами, отражали суть большевицкой тактики: добиться лояльности казачества, выбить почву из-под белого движения.

Земельный вопрос, социальная специфика и военные традиции сделали казачество особым явлением. Политика расказачивания и Гражданская война стали трагической страницей его истории, но именно тогда началось научное осмысление феномена казачества — от партийных работ до первых историографических исследований.

Казачество в политике и историографии СССР: от амнистии до «ренессанса»

После Гражданской войны Советская власть провела широкую амнистию для рядовых участников конфликта. Цель была двойной: расколоть белую эмиграцию и вернуть на родину основную массу казаков, особенно «врангелевцев». Казаки за границей оставались сплочённой и боеспособной силой, способной стать инструментом иностранного вмешательства. Большевики стремились показать эмигрантам «новую жизнь» казачества в СССР, его реабилитацию и востребованность.

В рамках НЭПа власть решала задачу восстановления хозяйства.

Казакам отводилась особая роль: возродить коневодство, животноводство и производство твёрдых сортов пшеницы. До революции Россия была ведущей коневодческой державой мира, а казаки давали 90% мобилизационного ресурса кавалерии. Первая мировая, революции и Гражданская война нанесли этому потенциалу тяжёлый удар. Советская власть хотела вернуть его руками казаков. Главным идеологом и организатором стал Семён Михайлович Будённый — легендарный командарм 1-й Конной армии, народный герой «красных казаков». В 1924–1937 гг. он был инспектором кавалерии РККА, а в 1939–1941 гг. — первым заместителем наркома обороны. Именно Будённый возродил отечественное коневодство и конный спорт. Его имя стало символом «советского казачества» и мощным пропагандистским сигналом.

30 апреля 1925 года Пленум ЦК РКП(б) признал «недопустимым игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер». Характерна позиция Анастаса Микояна, изложенная в сборнике «Партия и казачество» (1925): *«Не надо огульно отрицать всё казачье только потому, что оно было казачьим. Это вредно. Нужно учитывать особенности быта, разрешить носить черкеску, кубанку, лампасы и петь вольные песни».*

Микоян сформулировал программу: вовлечение казачества в советское строительство, отказ от национальной и сословной розни, подготовка казачьей интеллигенции, поддержка военного духа через территориальные части, усиление работы с молодёжью и женщинами. Главный тезис звучал так: *«Мы всерьёз и надолго хотим сделать казачество опорой советской власти».*

Историография 1920–1930-х: классовый подход и «школа Покровского»

В первые годы советские историки сосредоточились на сборе материалов по революции и Гражданской войне. Методология базировалась на примитивизированном марксизме и классовом подходе. Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), ученик Ключевского, стал основателем советской историографии. Его работа «Завоевание Кавказа» типична для того времени: газават трактуется как форма революции, мюридизм — как аналог европейских демократических

движений, а набегии приписываются российской стороне. Казаки изображаются «гениями грабежа», а война с горцами — «прибыль-ным делом».

Казачество рассматривалось как привилегированное сословие, «орудие царизма», но при этом признавалось классовое расслоение: «трудовое казачество» должно было стать опорой Советов. Эти построения оправдывали политику расказачивания — как ускорение пролетаризации и усиление классовой борьбы. Принцип интернационализма распространялся на казачьи области, особенно в отношении «иногородних» и горцев.

Историография тех лет страдала однобокостью и политической ангажированностью. Научная критика подменялась лозунгами, а сложные этнические конфликты объяснялись схемой «красные против белых». Позднее «школа Покровского» была осуждена, а методологическая борьба завершилась утверждением сталинской схемы исторического процесса, закреплённой в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Сталинский «ренессанс» казачества

Вторая половина 1930-х — поворот в политике: отказ от «левацких перегибов», осуждение троцкизма, рост международной напряжённости. Казачество вновь востребовано как военный ресурс. Этот период называют «сталинским ренессансом казачества». Мифы о личном заступничестве Шолохова перед Сталиным преувеличены, хотя переписка писателя с вождём подтверждает его усилия. Но главные причины перемен — стратегические: подготовка к войне и необходимость нейтрализовать последствия раскола.

В историографии появляются работы В. Карпова, Г. Цыбикова, А. Ильина, статьи Микояна и Будённого. В эти годы А. В. Миртов заложил основы изучения казачьих говоров: в 1929 году он опубликовал первый словарь донских диалектов. Миртов (1886–1966), ученик Шахматова и Бодуэна де Куртене, стал признанным авторитетом в русской и украинской диалектологии.

Политика по отношению к казачеству в СССР прошла путь от репрессий и расказачивания к интеграции и использованию казачества как военного и культурного ресурса. Историография этого периода

отражает идеологические колебания эпохи — от классовых схем до попыток объективного изучения языка и быта.

Алексей Василькович Миртов первым провёл масштабные полевые исследования казачьих говоров на территории Донской области. С 1919 по 1927 год он объехал весь Дон: пешком, верхом, на волах, пароходом, по железным дорогам. Итогом стала публикация донского казачьего словаря — уникального труда, зафиксировавшего язык казаков в его аутентичном виде, когда ещё были живы носители до-революционной традиции. Этот словарь стал историографической вехой: он сохранил речь, которая вскоре начала исчезать под влиянием литературного русского языка, ликвидации неграмотности, большевистской прессы, переселения крестьян и исхода казаков в эмиграцию.

Влияние Шолохова здесь очевидно: его романы придали казачьему говору литературное измерение, открыв дорогу филологическим исследованиям. В 1950–1970-е годы именно авторитет Шолохова поддерживал актуальность изучения донских диалектов.

Советская мемуаристика периода революции и Гражданской войны отличалась резким расколом на «красных» и «белых». Авторы редко поднимались над классовыми интересами. «Красные» уступали «белым» в образованности, но их воспоминания ценны непосредственностью: они не умели «приглаживать» факты. Характерный пример — книга комбрига Мусы Лутовича Муртазина «Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну» (1927), переизданная лишь в 2007 году. Судьба автора трагична: кавалер трёх орденов Красного Знамени, он был расстрелян в 1937-м, а книга запрещена.

Башкирские войска — бывшее Башкиро-Мещеряжское казачье войско, созданное в 1798 году. В конце XIX века оно упразднено, но традиция сохранилась. Благодаря особенностям национальной политики книга Муртазина вышла, но ненадолго: классовые ограничения и репрессии коснулись всех казачьих войск до конца 1930-х, когда ситуация изменилась.

20 апреля 1936 года ЦИК СССР снял ограничения на службу казаков в Красной армии. Уже 23 апреля приказом наркома обороны Ворошилова были воссозданы казачьи кавалерийские дивизии: 10-я Терско-Ставропольская, 12-я Кубанская, 13-я Донская, а также пе-

реформированы 4-я и 6-я кадровые дивизии Белорусского округа. Осенью введена традиционная форма. Казачьи части вошли в 6-й кавкорпус, получивший статус казачьего.

Этому предшествовала мощная пропагандистская кампания. 18 февраля 1936 года «Правда» публикует передовицу «Советские казаки», где утверждается: «Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу». В статье описывается встреча казаков с руководством в Кремле, их речи о готовности «рубить врага на его территории». Через месяц газета «Северо-Кавказский большевик» печатает открытое письмо казаков Сталину: «Мы клянемся стать могучим резервом Красной армии... и на Западе, и на Востоке покончить с врагами навсегда». Финал письма звучит почти как перефразированный имперский гимн: «Живи и здравствуй, родной великий Сталин... много, много лет».

После этого последовали агитационные книги («Казачья клятва», «Большое счастье»), обращения Будённого к коневодам, публикации о трудовых и военных достижениях казаков. В этот же период в литературу входит гений Шолохова с романами «Тихий Дон» и «Поднятая целина», ставшими символом «сталинского ренессанса» казачьей культуры.

Ровно через месяц после публикации в «Правде» о советских казаках они сами откликнулись на этот призыв Сталина. 18 марта 1936 года в газете «Северо-Кавказский большевик» под заголовком «Вождю народов и другу казачества, товарищу Сталину» было опубликовано открытое письмо казаков колхозных кавалерийских сотен Дона, Кубани и Терека. Письмо начинается с личного обращения: «*Дорогой товарищ Сталин! Мы, казаки донских, кубанских, терских станиц и хуторов, джигиты Адыгееи, Кабарды, Карачая, Дагестана, собравшись на знаменательную встречу вместе с пролетариями Ростова, шлем Вам, мудрейшему вождю народов, наш душевный, наш сердечный, наш боевой привет!*» Авторы письма утверждают, что «*мы, казаки и казачки, особенно многим обязаны Вам, товарищ Сталин!*». И далее следует перечисление заслуг Сталина перед казачеством, которое вождь уверенно и неколебимо привел к торжеству социализма, где казаки, покончив с позорным прошлым, получили от Сталина «*зажиточную, счастливую, веселую жизнь*». В результате «*в колхозах выросли смелые, отважные, выносливые люди, не боящиеся*

никаких трудностей», «в колхозах имеются крепкие быстрые кони». В этих людях и конях — «великая мощь нашей обороны». Авторы письма прямо адресуются к статье в «Правде»: «С молниеносной быстротой облетела все станции, все казачество весть о теплом приеме донцов-казаков в Кремле Вами, товарищ Сталин, и руководителями партии и правительства и о награждении лучших казаков орденом Ленина. Эта весть везде еще больше подняла наш дух, еще сильнее сделала боевой подъем советского казачества, приумножила наши силы в борьбе за сталинский урожай, за нашу готовность к обороне». И далее казаки торжественно обещают, что «для дела Ленина—Сталина не пожалеют жизни». Казаки знают о сложной международной обстановке на Западе и Востоке и готовы дать отпор и японским милитаристам и германским фашистам. При этом казаки намекают, что готовы напоить своих коней не только водами Дона, Кубани и Терека, а вероятно и водами Эльбы и Шпрее, Янцзы и Хуанхэ. Как только «дорогой товарищ Сталин кликнет тревожный клич», не только казаки, но и их жены, сестры и матери «непоколебимой стеной станут на защиту своей великой родины». Затем следует казачья клятва Сталину: «Мы клянемся, что все казачье население наших станиц станет могучим резервом рабоче-крестьянской Красной армии и, если враг посмеет на нас напасть, в рядах непобедимой Красной армии мы будем гнать, рубить и уничтожать врага, чтобы победить врага на его территории, чтобы и на Западе и на Востоке покончить с врагами навсегда». В заключительной части письма мы опять видим адресацию и дословную цитату из передовицы «Правды» от 18 февраля: «И в обороне и в труде отныне казаки клянутся быть примером для всех. Лучшие казачьи черты — боевой дух, организованность, железную дисциплину, отвагу, упорство — мы направим на быстрое удвоение урожая, на быстрый подъем всех отраслей животноводства, и особенно коневодческого дела, на превращение Азово-Черноморья и Северного Кавказа в самые передовые, богатейшие, цветущие, культурнейшие края нашей родины». Особенно любопытны последние строки письма: «Живи и здравствуй, родной великий Сталин, на радость трудящимся всего мира и на страх врагам много, много лет». Для сравнения приведен имперский гимн А. Ф. Львова 1833 года на слова В. А. Жуковского и А. С. Пушкина: «Боже, Царя храни! Сильный, державный, Царствуй на славу нам; Царствуй на страх врагам, Царь православный! Боже, Царя храни!»

После программной статьи о советских казаках в «Правде» после-

довала пропагандистская кампания в центральной и местной прессе. Публиковались речи казаков, письма к лидерам партии, статьи о трудовых и военных достижениях. В ответ к казакам обращались партийные лидеры, Сталин, Будённый, Ворошилов. Кампания завершилась оргвыводами: 20 апреля 1936 года ЦИК СССР снял ограничения по службе, а 23 апреля приказом Наркома обороны были воссозданы казачьи кавдивизии. В этом же году сформирована 13-я Донская дивизия, а также переформированы 4-я и 6-я кадровые дивизии Белорусского округа. Эти части вошли в 6-й кавкорпус, получивший наименование казачьего. Осенью введена традиционная форма. В эти годы выходят агитационные книги, появляются первые учебные пособия по истории казачества, книги для детей, художественная литература, популярные казачьи песни. В советскую литературу входит Шолохов, ставший главным «казачьим» писателем СССР. Всё это стало проявлением «сталинского ренессанса» казачьей культуры, а звёздный час наступил в годы Великой Отечественной войны, когда казачьи корпуса вновь показали героизм на фронтах.

Вторая мировая война заслуженно считается «войной моторов». Техническое и экономическое превосходство стало решающим фактором победы, поэтому внимание историков и широкой публики сосредоточено на авиации, танках, моторизованных и ракетных войсках. На этом фоне кавалерия кажется анахронизмом, хотя именно эта война стала её последним «звёздным часом». Лошади оставались основной тягловой силой на Восточном фронте до последних дней войны, обеспечивая движение артиллерии и снабжение войск. Конина нередко становилась единственным продуктом питания окружённых частей — и у советских, и у немецких солдат. Эти факты подтверждают воспоминания участников боёв.

Перед войной численность кавалерии в Красной армии сократили почти втрое, часть казачьих дивизий расформировали, личный состав направили в танковые и моторизованные части. Однако к 22 июня 1941 года в РККА оставалось три кавалерийских корпуса и семь отдельных дивизий (9,2 тыс. человек, 34 танка, 132 орудия и миномёта). Причиной сохранения кавалерии стали слабая моторизация пехоты и особенности театра военных действий — отсутствие развитой дорожной сети, леса и болота. Всего на начало войны было

13 кавалерийских дивизий, включая 2-й, 5-й и 6-й казачьи корпуса. Создавались конно-танковые группы, даже планировалась конно-механизированная армия, но начало войны внесло коррективы: тяжёлые потери в технике и эвакуация промышленности заставили Ставку расформировать 29 механизированных корпусов. Для обеспечения подвижности частей начали формировать «лёгкие кавалерийские дивизии» численностью до 3 тыс. человек, почти без современной артиллерии и танков. Всего было создано 82 такие дивизии, общая численность кавалерии достигла 500 тыс. человек.

Большую роль сыграли казачьи дивизии народного ополчения, комплектовавшиеся людьми, конями и оружием за счёт казаков-колхозников. Основу кавалерии составили донцы, терцы, кубанцы, ставропольцы, а также казаки Урала, Забайкалья, Уссурийского края, украинцы, башкиры, калмыки, горцы Кавказа и народы Средней Азии. Как и прежде, казаки приходили семьями: 63-летний кубанец М. Ф. Грачев прибыл с шестью сыновьями, а П. С. Куркин привёл из станицы Нижне-Чирской четыре десятка добровольцев. Несмотря на утрату экономической базы в годы коллективизации, казачество сохранило военные навыки и боевой дух.

Оснащение кавалерии было слабым, но она обеспечила манёвренность войск в самый тяжёлый период войны, когда инициатива и господство в воздухе принадлежали противнику. Первые удары врага 22 июня приняли донские, терские и кубанские казаки 6-й Чонгарской Кубано-Терской дивизии. Кавалерийские части сражались в Молдавии, Белоруссии, на Украине, под Смоленском и Ростовом, но особая роль им предстояла в битве за Москву. На фронтовом бездорожье кавалерия превосходила технику по проходимости. Маршал Р. Я. Малиновский писал о гвардейских кубанцах генерала Плиева: *«Конь шёл и тогда, когда его почти не кормили, он шёл по такой грязи, когда ни танк, ни одна всюдюходная машина не могла сдвинуться с места»*. В лесах и болотах, а особенно зимой, кавалерия выгрызала у танков в скорости сосредоточения, что давало инициативу и возможность наносить удары по тылам противника, разрушать снабжение и срывать наступления. Эти действия способствовали провалу операции «Тайфун» и победе под Москвой, которая перечеркнула планы блицкрига. В боях отличились казаки 2-го корпуса Белова и 3-го корпуса Доватора, со-

вершавшие глубокие рейды и громившие части танковой армии Гудериана. За героизм корпуса были преобразованы в гвардейские: 2-й — в 1-й Гвардейский, 3-й — во 2-й Гвардейский. Северокавказские казаки этих корпусов заложили основы советской конной гвардии, к концу войны насчитывавшей семь корпусов. Большинство её личного состава составляли казаки Дона, Кубани и Ставрополя.

Заслуги кавалерии отметил М. И. Калинин в выступлении 25 апреля 1942 года: *«Два года назад полагали, что пора конницы прошла, но осенью и зимой она показала, что может играть значительную роль и даже выступать против танков»*. Однако слабое вооружение, просчёты командования и использование кавалерии для «латания дыр» приводили к большим потерям. Уже в декабре 1941 года Ставка приказала свести дивизии по три в корпус и применять их совместно с танками и мотопехотой. В дальнейшем создавались конно-механизированные группы, соединявшие подвижность, броню и огневую мощь. В январе 1942 года сформирован 17-й Кубанский казачий корпус, позже ставший 4-м гвардейским. В его рядах было 22 Героя Советского Союза. Воссозданы пластунские части, например Кубанская добровольческая дивизия. План создания конной армии не был реализован: кавалерия использовалась для усиления бронетанковых войск. Тактика включала спешивание и действия как пехоты, а в редких случаях — классические атаки, поддержанные авиацией.

После Сталинграда немцы начали отход с Кавказа. Для преследования была создана конно-механизированная группа под командованием генерала Кириченко, в составе 4-го и 5-го казачьих корпусов и танковой группы. Она освободила Северный Кавказ, вышла к Ростову, но не смогла полностью выполнить задачу из-за окружения. За боевые отличия 4-й гвардейский Кубанский корпус награждён орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова, его дивизии — орденами Красного Знамени, Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого. Казачьи КМГ Плиева и Горшкова участвовали в освобождении Будапешта, Вены и Праги. На заключительном этапе войны кавалерия усиливалась танковыми и артиллерийскими полками, самоходными установками, зенитными дивизионами. Конно-механизированные группы действовали на большую глубину, даже в отрыве от главных сил. В Дебреценской операции они прошли более 500

км. Возможности для таких действий окончательно сложились после Курской битвы, когда инициатива перешла к Красной армии. В 1943 году по инициативе С. М. Будённого проведена реорганизация кавалерии: корпуса усилили танками, артиллерией, реактивными миномётами. Это повысило огневую мощь и ударную силу соединений.

Весной 1943 года С. М. Будённый провёл в штабе Степного фронта совещание командиров всех семи кавалерийских корпусов. На нём был обобщён боевой опыт применения кавалерии и принято решение использовать её преимущественно в составе фронтовых конно-механизированных групп как средства развития прорыва в наступательных операциях. На завершающем этапе войны казацкие кавалерийские части действовали именно так. Казаки покрыли свои части славой в боях за освобождение советской земли и в победоносных операциях в Польше, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Австрии. Участие 1-го, 2-го, 3-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов в Берлинской операции стало венцом их боевого пути. Донцы, кубанцы, ставропольцы и терцы одними из первых встретились на Эльбе с американскими союзниками. Казаки вошли в Берлин и поили коней водами Шпрее и Одера. Триумфом советского казачества стал Парад Победы на Красной площади: по брусчатке Кремля прошли конногвардейцы всех семи корпусов, каждый из которых за годы войны получил гвардейское звание.

Не только кавалерия прославилась в Великой Отечественной. Казаки воевали во всех родах войск — в артиллерии, танках, авиации, пехоте, в пластунских частях, участвовали в партизанских отрядах. Казачки-комсомолки были снайперами. Женщины, старики и дети Дона, Кубани, Ставрополя трудились на заводах, растили хлеб, отдавали последнее фронту. Северный Кавказ давал наибольшие пополнения всадников кавалерийским частям. Областные парторганизации брали шефство над «своими» полками, снабжали их обмундированием, лошадьми, седлами, пашками, фуражом, отправляли добровольцев, строили танки на собранные станичниками деньги. Советские казаки с честью прошли всю войну. Это была яркая и героическая страница истории, оплаченная непосильным трудом и человеческими жизнями.

Война стала поводом для переосмысления роли казачества в от-

ечественной истории. Это способствовало пересмотру политических оценок, особенно на фоне репрессий и депортаций горских народов, которые ранее считались союзниками красных. Немцы, в свою очередь, пытались использовать казачество. С лета 1942 года нацистская пропаганда призывала казаков к «крестовому походу против большевизма», обещая восстановление казачьих вольностей и земель. Газета «Казачий вестник» и другие эмигрантские издания развивали идею независимой «Казаклии». Оккупанты хотели предстать освободителями, напоминая о событиях 1918 года: «Тогда мы помогли казакам, теперь вы поможете нам». Немцы разжигали вражду между казаками и «иногородними», играли на традиционном чувстве «особости». К вербовке удалось привлечь авторитет генералов Краснова и Шкуро. Часть бывших белых казаков поверила обещаниям, надеясь «переиграть» Гражданскую войну. Но жестокая реальность «нового порядка» быстро развеяла иллюзии. Гитлеровская система колониального порабощения не допускала реального восстановления казачества. При отступлении с немцами ушло некоторое число беженцев. Всего в составе вермахта удалось сформировать три казачьи дивизии, действовавшие в Югославии против партизан. Судьба этих казаков сложилась трагично. По максимальным подсчётам, из нескольких миллионов казаков лишь около 80 тысяч перешли на сторону немцев, включая вернувшихся из эмиграции. В то же время в РККА к лету 1942 года воевало 10 кавкорпусов и 31 кавдивизия, большинство личного состава которых составляли казаки. Только на Северном Кавказе за успешные действия в 1942 году из шести кавдивизий были образованы два гвардейских корпуса. Попытки нацистской пропаганды провалились: победа в идеологической борьбе осталась за советской властью, сделавшей ставку на патриотизм.

Советская пропаганда апеллировала к традициям Отечественной войны 1812 года, революционным традициям казачества, использовала поддержку церкви. В агитации звучал призыв забыть внутренние распри перед лицом общего врага. Даже бывшие белоказаки, ожесточённые против советской власти, не мыслили себя вне России. Генерал Деникин писал: «Мы испытываем боль в дни поражения армии, хотя она и зовется “Красной”, а не Российской, и радость — в дни её побед». Немцам удалось привлечь лишь часть белого

казачества, большинство казаков осталось верным Родине.

В годы войны выходили агитационные издания, публицистика, художественная литература, песни, а также военно-утилитарные пособия по производству казачьей амуниции. В предвоенные годы и после войны издавались кавалерийские уставы, наставления, труды по тактике, стандарты амуниции. Строевой устав конницы РККА 1938 года, введённый приказом маршала Ворошилова, и Строевой устав кавалерии Советской Армии 1951 года, утверждённый маршалом Василевским, стали базовыми документами. Издавались книги «Тактика конницы» Л. Федоренко, «Служба конницы» П. Салитана, «Наставление по конному спорту РККА». Даже ГОСТы на казачье седло типа «Арчак» воспроизводили традиционную конструкцию, унаследованную от черкесского седла, известного с древности. Эти стандарты фиксировали элементы традиционной казачьей амуниции, сохранившиеся в кустарном производстве на Северном Кавказе вплоть до 1970–1980-х годов.

Серьёзные научные исследования по истории казачества начали выходить со второй половины 1950-х годов. К 40-летию Октябрьской революции публиковались документы и исследования по истории революции и Гражданской войны в казачьих областях. В 1960-е годы внимание исследователей сосредоточилось на социально-экономических проблемах, аграрных вопросах, этнических и этнографических процессах. В 1970-е годы появляются признанные авторитеты: Л. И. Футорянский, защитивший первую в СССР докторскую диссертацию по истории казачества, и Л. Б. Заседателева, основоположник этнографического изучения казачества. Футорянский открыл направление исследований, ранее находившееся под негласным запретом, доказал вклад казачества в победы Красной армии. Он автор более 500 публикаций, создатель научной школы, Заслуженный деятель науки РФ. Заседателева, опираясь на многолетние экспедиции на Северном Кавказе, изучала терских казаков, их культурообмен с горцами, опубликовала фундаментальные труды, ставшие уникальными источниками по этнографии казачества.

В ходе перестройки, распада СССР и двух кавказских войн терское казачество и уникальная культурная атмосфера его станиц были практически уничтожены. Решительный урон терцы понесли ещё

в советские годы, особенно после включения казачьих территорий бывшей Терской области в состав Чечено-Ингушетии. Окончательно эта культура погибла в начале XXI века. В таких обстоятельствах работы Лидии Борисовны Заседательевой остаются едва ли не единственным источником для изучения жизненного уклада терских казаков во второй половине XX столетия.

В этот же период были заложены основы систематического изучения казачьих говоров в советской лингвистике. Особое место занимают многолетние полевые исследования Ольги Константиновны Сердюковой, опубликовавшей около трёх десятков научных и методических работ. Ольга Константиновна окончила филфак Самаркандского университета в эвакуации и с 1953 года работала на кафедре русского и общего языкознания Ростовского университета. В апреле 1958 года в Ростове-на-Дону прошло межобластное совещание диалектологов Юга России, на котором было принято решение приступить к собиранию материалов для составления словаря донских народных говоров. В рамках этого проекта Сердюкова изучала материалы ГАРО, работала в библиотеках, анализировала донскую периодику. С 1958 по 1974 год она руководила диалектологической практикой студентов в экспедициях по казачьим станицам и хуторам. В 1963 году, всего через год после возвращения казаков-некрасовцев, Сердюкова начинает полевые исследования их говоров, которые продолжались много лет. В 1969 году она защитила диссертацию «Лексика говора казаков-некрасовцев (Исследование и словарь)». Недавно словарная часть диссертации была опубликована как самостоятельное издание, имеющее большую историческую и лингвистическую ценность.

Главным предметом исследований Сердюковой стали говоры казаков-некрасовцев, бежавших из России при Петре I и вернувшихся только в 1962 году. Эта уникальная этнографическая группа, благодаря изоляции более двух с половиной столетий и особенностям религиозной доктрины, сохранила целостный комплекс культурной архаики допетровского периода. Сердюкова первой и сразу после возвращения некрасовцев зафиксировала их язык, который впоследствии неизбежно стал растворяться в южнорусской среде. Доктор филологических наук, профессор В. И. Дегтярёв дал профес-

сиональную оценку её труду: «Словарь говора казаков-некрасовцев О. К. Сердюковой – единственный труд, в котором представлено более или менее полное описание уникального диалекта, быстро утрачивающегося в окружении современных южнорусских говоров. Невозможно переоценить значение этого труда для отечественной науки и культуры».

В эти же годы шли масштабные исследования казачьих говоров целого коллектива ростовских и других авторов. В 1975–1976 годах Ростовский университет опубликовал трёхтомный «Словарь русских донских говоров» под научным руководством В. С. Овчинниковой и Т. А. Хмелевской. В 1984 году началась подготовка второго издания, но распад СССР и кризис науки не позволили завершить работу. Рукопись второго тома была утрачена, и только в 2003 году издание увидело свет благодаря усилиям Н. А. Архипенко и коллег под редакцией профессора В. И. Дегтярёва.

В историографии 1970-х годов преобладали исследования казачества в контексте Гражданской войны. К этому времени накопленный массив работ позволил перейти к историографической рефлексии. Одной из первых стала статья К. А. Хмелевского. Настоящий всплеск интереса к казачьей тематике произошёл в 1980-е годы, ещё до перестройки. К началу восьмидесятых в советской историографии сложился общий подход: казачество рассматривалось как этнографическое явление в рамках концепции «советского народа». Однако стержнем исследований оставался классовый подход, особенно в изучении Гражданской войны. Акценты смещались на агитационную работу большевиков и добровольный переход казаков на сторону советской власти. Одним из наиболее полных исследований стала монография А. П. Ермолина, обобщившая результаты советской науки. Главный вывод Ермолина – своеобразие жизни казачества, потребовавшее особого подхода к «казаку-средняку». Методологически казачество рассматривалось как часть крестьянства, отличающаяся лишь обеспеченностью землёй. Основную массу трудового казачества составляли середняки, а крестьянства – бедняки. В силу этого «трудовое казачество» противопоставлялось «кулацко-атаманской» верхушке и ставилось в шеренгу революционных сил. Главная вина за раскол казачества возлагалась на Антанту, сепаратизм атама-

нов и пропаганду кадетов. Советские исследователи обращались к революционным традициям казачества, изучали его роль в восстаниях XVII–XVIII веков, героизировали Степана Разина и Емельяна Пугачёва.

Таким образом, казачество в советской историографии представлялось как социокультурная группа в составе русского народа. Оно рассматривалось как элемент русской культуры, а его история казалась завершённой. Однако уже в начале восьмидесятых эти идеологизированные построения стали подвергаться сомнению. В это десятилетие резко расширяется номенклатура исследований и публикаций по казачеству, появляются популярные и художественные издания. Особенно много публикаций связано с участием казаков в Великой Отечественной войне, юбилейные даты которой широко отмечались в 1985 и 1990 годах. В этот период выходит множество мемуаров, посвящённых боевым действиям казачьих частей. Центральное место в послевоенной историографии занимала военная мемуаристика, близкая к официальной истории. Воспоминания советских военачальников проходили литературную обработку и историческую корректуру, что снижало их ценность как источника. Личностное измерение почти отсутствовало, уступая сухому изложению истории соединений и операций. Это роднило мемуаристику с официальной историографией, выход за рамки которой фактически не практиковался.

В семидесятые годы казачья тема словно вышла из тени. На страницах журналов появлялись статьи, пахнувшие архивной пылью, а в университетских аудиториях снова звучали слова «станица», «атаман». Учёные, будто археологи, осторожно поднимали пласт за пластом, возвращая к жизни забытые имена и события. К концу восьмидесятых в свет выходят увесистые тома — монографии, где сквозь сухие строки пробивается дыхание степи, звон сабель и гул казачьих кругов.

Важнейшим рубежом стали первые всесоюзные конференции. Карачаево-Черкесск, 1980 год: в зале, где пахнет свежей типографской краской и крепким чаем, спорят историки. Одни доказывают, что казачество — лишь сословие, другие говорят о народе, о культуре, о праве на память. В 1986-м они вернутся сюда же, а в 1990-м

соберутся в Нальчике. Эти встречи были не просто научными — они стали глотком свободы для темы, которую десятилетиями обходили молчанием.

Но если оглянуться назад, то путь казачества в XX веке был драматичен. Февральская революция принесла свободу и тревогу. Войсковые съезды, словно древние вечевые собрания, провозглашают автономию областей, объявляют земли своей собственностью. В станицах кипят страсти: казаки боятся потерять землю, иногородние крестьяне требуют наделов. Над степью сгущаются тучи — большевики готовят свой сценарий. Весной 1918 года начинается наступление на казачье землевладение, а в январе 1919-го звучит страшная директива: «Провести массовый террор против богатых казаков...». Эти слова, напечатанные на серой бумаге, пахнут кровью. Разоружение, переселение крестьян, конфискации — всё это вызывает ярость. В станицах снова гремят выстрелы, но политика «расказачивания» идёт до конца. К двадцатым годам казачьи области расчленены, земли изъяты, а само слово «казак» исчезает из официальных документов. Власть стирает память, но не может стереть дух.

И всё же степь помнит. На рубеже XX–XXI веков казачество возвращается. Сначала робко — люди начинают открыто называть себя казаками, достают из сундуков старые пашки, надевают папахи. Потом громче: появляются союзы, звучат политические лозунги, идут споры о статусе — народ, сословие или культурная общность? В девяностые звучат даже дерзкие призывы обратиться в ООН, требуя самоопределения. Государство признаёт движение, разрабатывает законы, а казаки ищут своё место в новой России. В станицах снова слышен звон колоколов, на улицах — чеканный шаг казачьих патрулей.

Сегодня казачество — не музейная реликвия, а живая часть истории. Но вопрос остаётся открытым: что именно мы возрождаем? Этнос, военное сословие или уникальную культуру? Ответа нет, но одно ясно: исчезновение казачества стало бы утратой, которую не восполнит ни одна эпоха. Потому что в этих словах — «казак», «станция», «крут» — звучит не только история, но и сама душа России.

Начало девяностых стало временем, когда казачество вновь громко заявило о себе. В Москве, на первом Большом Круте Союза казаков

России, собрались делегаты со всей страны. В зале звучали слова о возрождении славы и традиций, о служении единой и неделимой России. Принимали устав, обсуждали программы культурного и исторического возрождения, говорили о защите казачьих прав. Но за патриотическими лозунгами скрывались противоречия: уже тогда движение раскалывалось на «красных» и «белых». Одни тянулись к советскому прошлому, другие мечтали о возвращении дореволюционных идеалов.

Казачьи организации множились, словно весенние реки после ледохода. В Оренбурге возрождается войско, на Дальнем Востоке — Амурское и Уссурийское. Даже в Казахстане потомки казаков пытаются вернуть традиции, но встречают сопротивление местных властей и национальных движений. Внутри самого движения кипят страсти: на Кубани появляются структуры с «белой» ориентацией, в Москве — новые землячества. Политика проникает в казачьи круги: на выборах президента РСФСР казаки поддерживают разных кандидатов — от Рыжкова до Ельцина. Раскол становится очевидным: в июле 1991 года учреждается Союз казачьих войск России — «белая» альтернатива «красному» Союзу казаков.

Государство не остаётся в стороне. В 1991 году выходит закон «О реабилитации репрессированных народов», где казачество названо культурно-этнической общностью. Вслед за ним — указ президента о мерах по реализации закона. Казаками признаются потомки и те, кто добровольно вступил в казачьи общества. Это решение вызывает споры: можно ли «вступить» в народ? Но власть ясно даёт понять: казачество будет встроено в государственную систему. Следуют новые указы — о военной службе казаков, об их участии в охране границ, в ликвидации последствий стихийных бедствий, даже в лесной охране.

В 1994 году принимается концепция государственной политики по отношению к казачеству. В ней прямо сказано: возрождение традиционных форм казачьей службы должно стать элементом укрепления российской государственности. Государство обещает поддержку — финансовую, организационную, правовую. Но вместе с этим рождается новая реальность: казачество делится на «реестровое», официально зарегистрированное и выполняющее государственные задачи, и казачество общественных организаций. Это раскол, кото-

рый будет тянуться долгие годы.

К середине девяностых процесс огосударствления казачества набирает силу. Указ 1995 года вводит государственный реестр казачьих обществ. Теперь казаки, взявшие на себя обязанности государственной службы, должны ежегодно отчитываться перед Советом по делам казачества при президенте. Их жизнь регламентируется положениями и инструкциями, а служба включает охрану границ, участие в военных частях, охрану правопорядка, помощь при стихийных бедствиях. Казачество превращается в силу, на которую государство рассчитывает.

Но в станицах идут споры. Одни видят в этом шанс вернуть казачьей жизни смысл, другие — угрозу превращения в зависимое состояние. На Кругах звучат слова о том, что государственная служба должна стать стержнем казачьего быта, но при этом казаки не хотят терять самостоятельность. Они стремятся быть не винтиком механизма, а живой частью страны.

К концу девяностых казачье движение уже не похоже на романтический порыв конца восьмидесятых. Оно обретает структуру, законы, вертикаль управления. Но вместе с этим сохраняет главное — стремление к единству, к служению России, к сохранению традиций. И, несмотря на расколы и споры, казачество остаётся силой, способной влиять на жизнь страны.

После февральских событий 1917 года казачество впервые попробовало войти в большую политику. В казачьих областях, особенно на Дону, весной того года популярностью пользовалась партия кадетов. В Новочеркасске заседал Донской областной комитет, которым руководили казаки: юрист и депутат Государственной думы А. Петровский, И. Захарьев, М. Карпов, В. Болдырев, А. Мануйлов... Кадеты создавали свои организации не только в городах, но и в станицах — Аксайской, Каменской, Кагальницкой. Казачество определяло их социальный состав, а некоторые лидеры, как В. Харламов, входили даже в Центральный комитет партии. Тогда казачество мечтало о собственном политическом голосе, о партии, которая отстаивала бы его интересы.

Спустя почти век история повторилась. В начале XXI века, на фоне возрождения казачества, снова заговорили о политическом представ-

вительстве. Государство открыто заявляло: казачество должно стать союзником в укреплении страны, воспитании молодежи, сохранении традиций. Президент Дмитрий Медведев подчеркивал: России нужна политическая конкуренция, нужны новые силы. В этих словах многие увидели сигнал: пришло время создать Казачью партию.

28 января 2013 года она была зарегистрирована. Лозунги звучали громко: «За укрепление России, Православия и возрождение казачества». Партия обещала стать центром объединения казаков и тех, кто поддерживает их движение. В программе — популяризация казачьей идеологии, развитие традиционного образа жизни, воспитание молодежи в духе патриотизма, поддержка казачьих кадетских корпусов, сохранение культуры и фестивального движения. Особое внимание уделялось международным связям — от стран СНГ до дальнего зарубежья, возвращению исторических ценностей, связанных с казачеством.

Казачья партия заявила о готовности участвовать в выборах всех уровней, чтобы донести до власти голос казачества. Она стремилась к партнерству с государством, к созданию механизмов взаимодействия с органами власти, к поддержке экономической активности казачьих обществ. В её планах — помощь в развитии предпринимательства, укрепление материальной базы творческих коллективов, организация молодежных лагерей и образовательных центров.

Так казачество, пройдя путь от военной силы до культурного движения, вновь оказалось в центре политической жизни страны. И, как и сто лет назад, его цель осталась прежней — служить России, сохраняя свою самобытность и традиции.

История казачьей эмигрантской историографии — это не просто страницы научных трудов, а отражение боли и надежды целого народа. После поражения в Гражданской войне казаки, оказавшиеся в изгнании, начали писать свою историю заново. В эмиграции родилась «самостийная» историография — особый взгляд на казачество как на самобытный народ, обладающий всеми признаками национального сознания. Этот «казачий национализм» был не прихотью, а ответом на трагедию изгнания и восприятие политики расказачивания как национального геноцида.

Для казаков-эмигрантов исторические труды стали не только вы-

ражением ностальгии, но и способом преодолеть травму поражения. Их книги и статьи до сих пор влияют на отечественную науку: именно на этом идейном фундаменте строилось возрождение казачества в постсоветской России. В СССР же подобная литература была под запретом — её хранение считалось преступлением. Сегодняшний интерес к этим работам во многом объясняется тем, что десятилетиями о них молчали.

Одним из главных аргументов эмигрантских авторов стало утверждение: казаки всегда отделяли себя от русских, считали себя особым народом. «Казаки от казаков ведутся», — говорили они, подкрепляя слова ссылками на «Тихий Дон». Некоторые исследователи доходили до смелых выводов: мол, донские казаки почти не имели общих корней с великорусским этносом. Но документы говорят обратное. В Сибирских летописях, описывающих поход Ермака, соратники атамана названы «русскими казаками». В «Повести об Азовском осажденном сидении» XVII века донцы прямо признают: «отбегаем мы из того государства Московского...». Народные предания тоже хранят память о беглых людях, ушедших на Дон. Историки отмечают: казаки осознавали себя частью русского мира, православного государства, а их письма в Москву подтверждают это.

Да, со временем многое изменилось. Когда казачество превратилось в замкнутое сословие, память о корнях стала стираться. Появилась горделивость, а с ней — желание подчеркнуть отличие от «мужика». В XIX веке донцы смотрели на крестьян свысока, браки с «иногородними» считались невыносимыми. «Русских» презирали, хотя без них не обходились: «Русский и плетень огородит, и коваль, и землекоп...» — говорили станичники. Это презрение имело социально-экономическую подоплёку: наплыв переселенцев, угрозы лишения привилегий, конкуренция в хозяйстве. Лозунг «Дон для донцов» стал ответом на страх потерять особый статус.

В начале XX века, когда вопрос об упразднении казачьего сословия всё чаще звучал в коридорах власти, лидеры казачества начали доказывать: мы не сословие, мы народ. Но эти споры не сопровождались новыми документальными публикациями. Источниковая база оставалась бедной, и на её месте росли мифы и фантастические версии. До сих пор можно встретить утверждения о новгородских ушкуйниках

как предках казаков, хотя серьёзные исследования давно опровергли эту идею. Мифология множилась, подменяя научный анализ.

Причина проста: острая нехватка новых письменных источников. Их поиск и введение в научный оборот — вот задача, без которой невозможно понять истоки казачества. Потому что история казачества — это не только легенды и гордость, но и документы, которые возвращают нам правду о прошлом.

Мы заглянули в глубь XVII века, перелистывая тысячи рукописных страниц расходных книг Казенного двора — тех самых, где фиксировались пожалования атаманам и казакам. Эти скромные записи, лишённые красочных деталей, оказались настоящим кладом: они сохранили имена 46 атаманов, 5 есаулов и почти четырёх сотен рядовых казаков. За каждой строчкой — судьбы людей, которые в бурные годы Смуты служили на Дону, Волге, Яике и Тереке, а потом перемещались по южным рубежам России, становились «городовыми» служилыми, возвращались в станицы или уходили в Речь Посполитую.

Хроника пожалований, которую удалось составить, показывает: казачьи корпорации начала XVII века были текучими, размытыми, словно реки, по берегам которых они жили. Донские, волжские, яицкие, терские — эти названия тогда были условны. После Деулинского перемирия правительство отказалось признавать «Волское войско», и волжские казаки вынуждены были покинуть родные берега, вливаясь в ряды донцов и яицких. В документах встречаются любопытные детали: донской есаул Микула Иванов служит уже по Новгороду-Северскому, но продолжает именоваться казаком; Иван Микляев получает жалование «за полонное терпение» и записан как «сторожевой» — охраняющий южные рубежи.

Систематизация этих данных раскрывает неожиданные штрихи. Вот Мартын Побежимов — сначала казак станицы Андрея Репчукова, а потом есаул у Гаврилы Стародубова. Вот Матвей Данилов и Назар Иванов — вчера рядовые, сегодня атаманы. Даже прозвища говорят о судьбах: Пётр Вострая Игла превращается в Петра Вострую Саблю — портняжное прошлое уступает место воинской славе. А уменьшительные имена, вроде Проньки или Панки, при повторных пожалованиях раскрываются как Прокофий и Павел. Эти мелочи оживляют сухие строки, возвращая нам живых людей.

Но работа с источниками — это не только поиск имён. Это борьба с мифами. Там, где нет документов, рождаются легенды: о «казаках от казаков», о происхождении от ушкуйников, о «непричастности» к русскому миру. Между тем, записи и летописи говорят обратное: казаки осознавали себя частью России, служили государю, защищали православных от татарских набегов. Их письма в Москву полны слов о «своей природе» и верности Земскому собору.

И всё же казачья гордость со временем меняла облик. Когда сословие замкнулось, память о беглых корнях стала стираться. В XIX веке донцы смотрели на «мужика» свысока, браки с иногородними считались немислимыми. Это презрение имело социальные причины: страх потерять привилегии, конкуренция с переселенцами, угроза превращения в «обычных крестьян». Лозунг «Дон для донцов» стал ответом на вызовы времени.

Но если вернуться к XVII веку, то именно казаки открыли Сибирь. Они первыми прошли за Урал, основали города, построили остроги. До конца XVII века служилые люди составляли основу населения Сибири, а их семьи преобладали среди хлебопашцев в Тарском, Томском, Красноярском уездах. Казаки не только воевали — они пахали землю, занимались ремеслом, торговали. В Томске к 1720-м годам они составляли большинство местных мастеров. Города и деревни, основанные ими, до сих пор хранят их имена.

Эти факты — не просто сухая статистика. Это живая ткань истории, которую мы восстанавливаем по крупицам, чтобы противостоять фантазиям и вернуть казачеству его подлинное прошлое.

В XVIII–XIX веках казачество в Сибири переживает удивительную трансформацию. В казаки записывают не только потомков первопроходцев, но и тех, кто никогда не проходил суровый «естественный отбор» эпохи Ермака. Но служилые люди XVII века, составлявшие ядро гарнизонов, стали тем «ферментом», который быстро превратил разрозненные группы в полноценное сословие — с крепкой хозяйственной хваткой, предприимчивостью и воинской доблестью. Они цементировали новые станицы, связывая их традициями первых покорителей.

Хроника пожалований, составленная по расходным книгам Казенного приказа, открывает редкие детали: атаманы и есаулы, вроде

Ивана Бобарыкина, возглавляли городовые корпорации, а казаuchy десятичники, как Василий Деев, поднимались по служебной лестнице, сохраняя древнюю десятично-сотенную организацию, уходящую корнями в ордынскую эпоху. Иногда казаки становились детьми боярскими, как Андрей Тутолмин, аноблированный между 1616 и 1619 годами. Эти факты показывают: в Сибири «войско» было не сословием, а территориальной корпорацией, объединённой службой и общими задачами.

Но история казачества — это не только страницы архивов, но и современные вызовы. В 2009 году на съезде в Старочеркасской Александр Юдин провозглашает «Донскую Казачью Республику» и призывает создать «пояс безопасности до Тихого океана». В Армавире собирается сход, звучат слова о «восстановлении исторической справедливости». Так появляется «Казачья Кавказская линия», во главе которой становится Юрий Чуреков. Его обвиняют в сепаратизме, но сам он заявляет: «Казаки — за интеграцию России, Украины, Беларуси и Казахстана». Митрополит Кирилл отвечает жёстко: «Сепаратизм разрушит государство. Сила казачества — не в республиках, а в вере». Эти споры отражают двойственность современного казачьего движения: между стремлением к самоуправлению и необходимостью оставаться частью единой России.

Историко-правовой анализ показывает: вопрос о сущности термина «казак» остаётся открытым. Наиболее убедительной выглядит версия, что «казак» — это свободный человек, оторванный от прежней среды и готовый наняться на службу. Этническая пестрота казачьих групп не позволяет говорить о едином корне, но близость к русским очевидна — либо по происхождению, либо по ассимиляции. В древнерусских законах казаки не упоминаются, что подтверждает: до XV века существовало «протоказачество», не оформленное юридически. Лишь позже казачество стало самостоятельной силой, прошедшей несколько этапов развития и сохранившей свои характерные черты.

И всё же, как бы ни менялись времена, казаки оставались теми, кто открывал новые земли, строил города, защищал рубежи. Их история — это не только прошлое, но и вызов настоящего: как сохранить традиции, не разрушая государство, и как быть свободным, оставаясь частью единой России.

Правовое регулирование казачества прошло долгий путь — от обычного права до государственных законов. В XVI–XVIII веках жизнь казаков определяли традиции и круговые решения. Именно тогда закладывались основы, которые позже легли в законодательство Российской империи. Постепенно казачество превратилось из свободной общности в военно-служилое сословие, сохранив при этом культуру и обычаи. Но исключительность казачества не была абсолютной: сословность в России не изобретение казаков.

XIX век стал временем перемен. Государство медленно, но настойчиво шло к «расказачиванию». Закон 1868 года стал первым шагом, а в 1869-м разрешили выход из сословия. В 1883 году появилось «Положение о службе казаков вне своих войск», где прописали условия: выполнить все повинности, отказаться от земельного пая и льгот. Казак, покидающий сословие, терял всё — но и освобождался от обязанностей.

После революций и Гражданской войны казачество оказалось на грани исчезновения. Советская власть пыталась стереть различия, создавая «новую историческую общность — советский народ». Казачество рассматривалось как этнографический феномен, изучаемый историками, этнографами, филологами. В 1980-е годы интерес к теме вспыхнул с новой силой: защищались диссертации, выходили книги, проводились конференции. Этот всплеск стал предвестником возрождения.

Возрождение казачества в конце XX века прошло несколько этапов. Сначала — робкие шаги: люди вновь называли себя казаками, восстанавливали культуру, создавали первые союзы. Затем — политизация движения, споры, расколы. В середине 1990-х государство признало казачество, началась разработка законов, определяющих его место в современной России. К концу десятилетия движение стало частью государственной системы, сохранив при этом идею братства и служения Отечеству.

Сегодня казачество рассматривается как институт гражданского общества. Оно объединяет людей на основе добровольности, способно влиять на решения, сохраняет экономическую самостоятельность. Но споры о политическом будущем не утихают. Создание Казачьей партии вызвало бурю эмоций: одни видят в ней шанс защитить ин-

тересы казаков, другие — угрозу размывания казачьей идеи. «Нам не нужны партии, у нас есть казачья идея», — говорит атаман Кубанского войска Николай Долуда. Другие считают, что партия могла бы стать инструментом развития гражданского общества и привлечения молодежи к политике.

Вопрос остаётся открытым: нужна ли казачья партия? Одно ясно — казачество должно оставаться силой, способной объединять, воспитывать, защищать. Его история — это путь от вольных людей до института гражданского общества, от сабли до закона. И этот путь продолжается.

Сегодня российские партии активно работают с молодежью, понимая: без нее невозможно построить устойчивое гражданское общество. Они проводят проекты, которые учат подростков азам политики, организуют «детские выборы», «молодежные парламенты», создают студенческие объединения. Молодых людей включают в избирательные списки, формируют молодежные крылья партий — от «Молодой Гвардии» у «Единой России» до «Времени молодых» у ЛДПР. Цель одна — дать молодежи почувствовать себя участником политической жизни, а не сторонним наблюдателем.

Но молодежь неоднородна. Есть те, кто уже сформировал взгляды и готов стать кадровым резервом для «взрослой» политики. Их немного, но они самостоятельны и амбициозны. Большинство же голосует лишь тогда, когда партия задевает их интересы или появляется яркий лидер, способный увлечь нестандартным образом. Это переходное состояние — время поиска, энергии и жажды свершений. Важно, чтобы в этот период молодые люди получили не только политический опыт, но и правовую культуру — умение понимать законы и пользоваться ими.

Казачья партия, если она хочет быть реальным институтом, а не формальной структурой, должна направить активность молодежи в созидательное русло. Организовать мягкое вхождение в политику, дать возможность самореализации, стать социальным лифтом. Это не просто лозунг — это стратегическая задача.

История казачества учит: сила казаков всегда была в умении объединяться и действовать. В XVI веке приток русских усилил казачьи общины, принес традиции самоуправления, огнестрельное оружие,

судостроение. Казаки стали «людьми воды», как писал М. А. Рыблова: реки были их дорогами, их защитой, их ареной для внезапных атак. Голландский купец Исаак Масса в начале XVII века отмечал: «Казаки — люди различных племен, но по большей части московиты». Сибирские летописи называли соратников Ермака «русскими воинами», а у коренных жителей Енисейской губернии слово «русские» переводилось как «люди Ермака». Даже враги — турки, крымцы, ногайцы — жаловались на «русских казаков», называя их «русь-разбойниками».

Казачество возникло на «ничьей земле» — там, где сходились интересы государств, где было пространство для свободы и риска. Оно родилось из маргиналов, беглецов, людей без статуса, которых объединяла жажда вольной жизни. География, международная обстановка, социальная нестабильность — всё это стало питательной средой для формирования уникальной этно-социокультурной общности. С конца XV до середины XVI века казаки прошли путь от вольных воинских братств до служилого сословия, сохранив дух свободы.

Сегодня задача казачества — не потерять этот дух, но вписать его в современную реальность. Воспитать молодежь, дать ей чувство ответственности, научить быть частью страны. Потому что будущее казачества — это не только память о прошлом, но и умение строить завтра.

Появление казачества на исторической арене не было случайностью. Оно стало ответом на вызовы времени и пространства — на жизнь в «Поле», полном опасностей и свободы. На лесостепных и степных окраинах Восточной Европы веками рождались группы людей, которые не желали мириться с ограничениями. Из среды народов выделялись самые энергичные и свободолюбивые, объединяясь в общины, а затем — в войска, способные выжить там, где власть и закон были лишь отдалённым эхом.

Эти сообщества изначально были полиэтничны. Но устойчивость и сила пришли тогда, когда в их ряды массово влились русские люди. Они быстро ассимилировали татарских казаков, переняли многое из их языка, быта, воинских навыков, а позже — из культур кавказских народов. Взаимное влияние породило уникальную казачью культуру — яркую, самобытную, ставшую частью великой русской традиции

и обогатившую её новыми красками.

Постскрипtum

Степь всегда манила свободой. Там, где лес кончается и начинается бескрайнее «Поле», рождались люди, не желавшие жить по чужим правилам. Беглецы, изгои, те, кто искал вольную жизнь, собирались в братства, а потом — в войска, способные выжить там, где власть была лишь отдалённым эхом. Так на исторической арене появилось казачество — не случайно, а как ответ на вызовы времени и пространства.

Эти общины были полиэтничны, но силу обрели тогда, когда в их ряды влились русские. Они быстро ассимилировали татарских казаков, переняли их язык, обычаи, воинские навыки, а позже — многое от кавказских народов. Взаимное влияние породило культуру яркую, самобытную, ставшую частью великой русской традиции. Голландский купец Исаак Масса писал в начале XVII века: «Кзаки — люди различных племён, но по большей части московитья». Сибирские летописи называли соратников Ермака «русскими воинами», а у коренных жителей Енисейской губернии слово «русские» переводилось как «люди Ермака». Даже враги — турки, крымцы, ногайцы — жаловались на «русских казаков», называя их «русь-разбойниками».

Казачьи станицы рождались в местах, куда трудно добраться, где ветер гонит перекасти-поле, а реки становятся дорогами и щитом. «Люди воды», как называл их историк М. А. Рыблова, превращали речную гладь в арену для внезапных атак. Струги скользили по течению, и казачьи песни разносились над тихими плёсами, пока в степи гремели набег. Это давало им преимущество перед степными противниками, которые сетовали на невозможность противостоять налётам с воды.

С конца XV до середины XVI века казачество прошло путь от вольных братств до служилого сословия. В XVII веке казаки уже открывали Сибирь. Они первыми прошли за Урал, строили города, возводили остроги. До конца XVII века служилые люди составляли основу населения Сибири, а их семьи преобладали среди хлебопашцев в Тарском, Томском, Красноярском уездах. Казаки не только воевали — они пахали землю, занимались ремеслом, торговали. В Том-

ске к 1720-м годам они составляли большинство местных мастеров. Города и деревни, основанные ими, до сих пор хранят их имена. В этих местах до сих пор слышится эхо топота казачьих коней, а старые песни напоминают о тех, кто «проведал» Сибирь.

Но история казачества — это не только прошлое, но и вызовы настоящего. После революций и Гражданской войны казачество оказалось на грани исчезновения. Советская власть пыталась стереть различия, создавая «новую историческую общность — советский народ». Казачество рассматривалось как этнографический феномен, изучаемый историками и этнографами. В 1980-е годы интерес к теме вспыхнул с новой силой: защищались диссертации, выходили книги, проводились конференции. Этот всплеск стал предвестником возрождения.

Возрождение казачества в конце XX века прошло несколько этапов. Сначала — робкие шаги: люди вновь называли себя казаками, доставали из сундуков старые шапки, восстанавливали культуру, создавали первые союзы. Потом — политизация движения, споры, расколы. В середине 1990-х государство признало казачество, началась разработка законов, определяющих его место в современной России. К концу десятилетия движение стало частью государственной системы, сохранив при этом идею братства и служения Отечеству.

Сегодня казачество рассматривается как институт гражданского общества. Оно объединяет людей на основе добровольности, способно влиять на решения, сохраняет экономическую самостоятельность. Но споры о политическом будущем не утихают. Создание Казачьей партии вызвало бурю эмоций: одни видят в ней шанс защитить интересы казаков, другие — угрозу размывания казачьей идеи. «Нам не нужны партии, у нас есть казачья идея», — говорит атаман Кубанского войска Николай Долуда. Другие считают, что партия могла бы стать инструментом развития гражданского общества и привлечения молодежи к политике.

Сегодня российские партии активно работают с молодежью, понимая: без нее невозможно построить устойчивое гражданское общество. Они проводят проекты, которые учат подростков азам политики, организуют «детские выборы», «молодежные парламенты», создают студенческие объединения. Молодых людей включают в

избирательные списки, формируют молодежные крылья партий. Цель одна — дать молодежи почувствовать себя участником политической жизни, а не сторонним наблюдателем. Казачья партия, если она хочет быть реальным институтом, должна направить активность молодежи в созидательное русло. Организовать мягкое вхождение в политику, дать возможность самореализации, стать социальным лифтом.

История казачества учит: сила казаков всегда была в умении объединяться и действовать. Сегодня задача — не потерять этот дух, но вписать его в современную реальность. Воспитать молодежь, дать ей чувство ответственности, научить быть частью страны. Потому что будущее казачества — это не только память о прошлом, но и умение строить завтра. И когда над степью снова разнесется звон казачьей песни, мы будем знать: традиция жива, а вместе с ней — и душа России.

Настоящий материал подготовлен на основе оригинальной статьи авторского коллектива: Артур Благородов, Юлия Прохорова, Владимир Прохоров, д.т.н., профессор Галина Волкова, д.э.н., профессор. Публикуется в сокращённой и адаптированной редакции с сохранением позиции авторов.